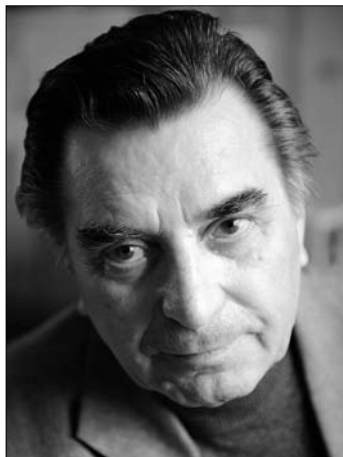

ВЯЧЕСЛАВ ЩЕПОТКИН

БИЛЕТ НА ПОЕЗД К ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЕ

ПОВЕСТЬ

1

Астраханский бахчевод Вениамин Солонкин двадцать шесть лет не был у двоюродного брата Сани Шаповала, который жил в диковатом месте дальневосточного Севера. Самого брата он время от времени видел. Тот раз в три-четыре года прилетал самолётом на родину, в Астрахань. А Вениамин самолётов стал смертельно бояться. То их взрывают террористы, то лётчики не за ту ручку дёрнут, то падают совсем по не известным причинам.

— Хочется побывать у тебя, Саня. Поглядеть на места молодости. Но только на поезде. Авария с поездом — там хоть тело найдут. Будет над чем Таньке поплакать. А самолёт навернётся — представляешь, с восьми тыщ метров? — молекулы соберут. Нет, буду ждать поезда, — говорил Вениамин, наливая себе большую стопку водки. Брат уже несколько лет не пил. Уверял, что “заговорила” старуха — шаманка. Правда, добавлял, что без собственной воли никакие “кодировки” не помогут.

— Жди, Веня, жди. Может, когда и до нашей вечной мерзлоты доведут железную дорогу, — погружаясь вместе с усами в алый кусман арбуза и хлюпя соком, отвечал двоюродный брат.

ЩЕПОТКИН Щепоткин Вячеслав Иванович родился в Сталинграде (с 1961 г. – Волгоград). Окончил Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова. Журналист, публицист, прозаик. В журнале “Наш современник” был опубликован его роман “Крик совы перед концом сезона” о разрушении Советского Союза, главы романа “Дуэль алмазных резидентов”, повести: “Холера”, “Слуга закона Вдовин”, рассказы из сборника “Разговор по душам с товарищем Сталиным”.

Всю свою жизнь на Севере он тосковал по этой волнующей сладости. Бывало, сам покупал, когда оказывался в городе, или друзья привозили на дальний его кордон узбекские, киргизские, а позднее — китайские арбузы. Но разве их можно было сравнить с родными, астраханскими? Дотронешься ножом до блестящей, твёрдой поверхности полосатого шара, и даже не воткнёшь ещё нож, как вдруг — трес! — и мгновенно пробежала трещинка по арбузу. А когда ножом чуть войдёшь в него, разваливается шар на куски, словно изморозью посеребрённые, и рот непроизвольно, сам по себе, широко открывается, чтобы впиться зубами в сочную алость. И трудно откусывать понемногу, маленькими кусочками, ибо как раз в такие моменты рождается истина: “Большому куску рот радуется”.

Каждый раз, когда Саня появлялся в Астрахани, Вениамин обязательно спрашивал:

— Как дорога? Не провели ещё?

— Строится.

— Долго что-то.

— Не говори. Пока у нас километр самой простой дороги построят, в Китае тысячу скоростной магистрали сдадут. В тысячу раз быстрее и лучше работают.

— Это потому, что они уберегли советский порядок. А наши стервецы умеют только воровать. Вся власть воровская. Снизу доверху.

— А-а! Вон ты как запел! А зачем за Ельцина призывал голосовать? Сам мне рассказывал. Не думал, Витамин, куда эти стервецы страну заведут?

Услыхав слово “Витамин”, Солонкин зло напружинивал тонкие губы. Под прищуренными веками вспыхивали жёлтые, как у рыси, глаза. С детства ненавидел он переименованное в кличку своё имя. Дрался не только в пацанах, не только юнцом с пробивающимися усиками, но даже взрослым мужиком бился с каждым, кто плевал ему в душу этим отвратительным словом.

Двоюродного старшего брата Веня почитал, но и на него за обзываловку сердился. Однако тот, как в давнее время, когда Солонкин жил вместе с Шаповалом в глухом посёлке на Крайнем Севере, строго остужал его кипение.

— Не бурись, Венька! Не бурись! — говорил он, посверкивая такими же, как у брата, рысьими жёлтыми глазами. — Теперь чего, вроде курицы, крыльями хлопать, когда голову отрубили. Теперь надо тех, кто к власти рвётся, на зуб пробовать. Золото это или кислая медяшка. По делам сделанным судить, а не по трескотне из телевизора.

— Ну, тебе-то хорошо. В твоей берлоге тэлека нет. А тут хоть взрывающий его. С утра до ночи то проститутки показывают, то кто от кого родил, то про старую шалаву, которая за очередного мальчишку выходит — скоро с внуками в постель ляжет. А в промежутках власть хвалят. Облизывают, аж до тошноты. Уж какая она у нас заботливая! Только народу почему-то всё хуже.

— А я что смотрю? То же самое дерьмо.

— Где смотришь?

— У себя на кордоне. Мне “тарелку” поставили. Через спутник показывают.

— Ты гляди, что творится. Не-ет... Надо к тебе приехать. Вот построят дорогу — обязательно приеду. Да и тебя пора на родину перетаскивать. Не надоело стынуть на вечной мерзлоте?

— Тайга затягивает. Как наркотик затягивает. Когда приехал, думал: отработаю, сколько положено, и уеду куда-нибудь. А вышло вон как...

2

В советское время существовал такой порядок. Ежегодно все вузы страны получали заявки от тех отраслей народного хозяйства, для которых готовили специалистов. В соответствии с заявками, выпускников распределяли. При этом выпускник любого вуза должен был отработать три года там, куда его направляли. По сути, это было погашение части долга перед государством. Очень незначительной части, поскольку затраты на образование молодого

человека были намного больше. Выплачивая немалые деньги армии преподавателей, студента при этом учили бесплатно. Без денег предоставляли учебники, которые закупало государство. Обеспечивали бесплатным жильём, да ещё платили стипендию.

Шаповала распределили в Северную Республику, откуда пришла заявка на специалиста-ихтиолога. Когда Саня узнал об этом, он пошёл в институтскую библиотеку. Взял большую карту Советского Союза с пояснениями, разложил на столе и вперился в неё. Огромная Северная Республика занимала чуть ли не всю северо-восточную часть страны. На её территории, как он прикинул, могло разместиться не только всё Нижнее Поволжье, но и несколько областей Центральной России.

Но самое необычное, о чём узнал Шаповал, — это земля Северной Республики. Она была почти вся промёрзлая на разную глубину. В одних местах — метров на двести-триста. В других — на полтора километра. “Как же там люди живут?” — с большим изумлением подумал Саня. В Астраханской области тоже бывали морозы. Даже волжская дельта замерзала, и тысячи рыбаков с радостью выходили на подлёдный лов. Но что это за морозы? Пять-шесть градусов. Да и держались они недели две-три. А в Северной Республике оказался даже Полюс холода планеты Земля. Мороз там доходил до 70 градусов.

Правда, позднее Шаповал узнал, что лето на этой земле всё-таки бывает. Причём необычное, до 30 градусов жары. И вечная мерзлота оттаивает метра на два. Поэтому там есть тайга, живёт сельское хозяйство.

И ещё узнал Саня, что по площади Северная Республика равна целой Индии, что там добываются все российские алмазы, что недра республики богаты золотом, нефтью, газом, а населения в этой кладовой в тысячу раз меньше, чем в той же Индии.

Но это было потом. А в тот раз он рассматривал большую территорию на карте с очень редкими точками населённых пунктов и думал, где ему придётся работать.

Всё выяснилось, когда Саня после долгих перелётов оказался в столице Северной Республики. Его встретили приветливо, но объяснили, что он нужен не здесь, а там, где рыбу ловят: в небольшом посёлке за триста километров к северу от столицы.

Рыбозавод, на котором молодого специалиста оформили мастером по добыче, Саня обозрел очень скептически. Астраханские рыбозаводы, где проходил практику, были действительно солидными предприятиями. А тут — несколько деревянных строений, вместо холодильных камер — по-старинному устроенные ледники, и даже разделочного цеха не было. Не завод, а рыболовецкий колхоз. Правда, с размахом. Полтора десятка крупных бригад, свои корабли. Рыбу брали не только на многочисленных озёрах, в том числе на самом большом — длиной в 70 километров. Ловили также на главной водной артерии — Большой реке, пересекающей Северную Республику от Байкала до Ледовитого океана. По ней же спускались к океану, в огромную дельту — третью по площади на земном шаре. Уловами обеспечивали почти половину республики.

Рыбаки везде — народ не из гламурных. А в суровых условиях Севера вообще без нежностей и тормозов. Большого начальника, не задумываясь, могли обложить трёхэтажным матом и послать куда подальше. Что тогда говорить о молодом, к тому же не местном мастере! На него по первости пытались и кулак поднять. Однако Шаповал оказался не только со знаниями, но и с характером. Вырос он тоже в рыбацкой среде, под Астраханью. Поэтому знал все завороты и языка, и поведения. Сам мог врезать так, что голова “собеседника” некоторое время моталась, как надувной детский шарик. Года не прошло — научился Шаповал ладить со строптивым народом и управлять им. А когда через пару лет в далёкий посёлок прибыл вызванный Саней двоюродный брат — в ту пору на Севере хорошо зарабатывали, — Вениамин с удивлением услышал, что двадцатитрёхлетнего Шаповала все зовут по имени-отчеству: Александр Александрович. Или проще, выговóристей — Сан Саныч.

Вениамин Солонкин в Северной Республике пробыл недолго. Затеянная Горбачёвым “перестройка” первым делом достала окраины. В том числе и прочно стоявшие на ногах. Начали рушиться хозяйственные связи, вместо хороших зарплат — неплатежи. Веня уехал сначала на запад России, а потом вернулся на родину, в Астрахань. С братом стал видеться только во время его приездов. Но жизнь на Севере не забывалась, и каждый раз, после второй-третьей стопки он начинал расспросы: как там? что у тебя нового?

Саня отодвигал тарелку с чёрной икрой — осетры ловились не только в Волге, но и в Большой реке — и припадал к арбузу. И чмокая, аккуратно выплёвывая семечки, рассказывал. О том, что ушёл из рыбаков — стал инспектором по охране природы. Территория большая: миллион гектаров на троих. Каждому — площадь, равная Кипру, Ливану или, чтоб понятней, четыре площади Москвы. Большая река образует здесь много островов, а потому ширина её местами до тридцати километров.

— А где ж ты живёшь? — с некоторой оторопью интересовался брат. — В посёлке?

Саня усмехался:

— На острове. До посёлка с рыбзаводом, где мы с тобой жили, 150 километров.

И рассказывал удивлённому Вениамину, что охраняемая территория делится на зоны. В одних местах можно только по лицензиям охотиться и ловить рыбу, в других даже появляться нельзя. Зверь и птица должны чувствовать себя спокойно.

В какой-то приезд Саня показал брату фотографии своего жилища, тайги, медведя, который стал приходить на берег протоки, отделяющей остров от материкового берега.

— Не боишься, что переплывёт? — с тревогой спросил брат.

— Зверей иногда понимать проще, чем людей. Если голодный, оставлю несколько щук на берегу, поест и уходит.

— Да-а... Интересная у тебя жизнь получается. Приехать бы, посмотреть...

— А кто тебе не даёт? Приезжай.

— Дорогу построят — приеду.

— Ну, это, видать, не скоро. Что при советской власти успели сделать, то и осталось. Сейчас забросили совсем.

И, помолчав, с грустью добавил:

— Развалили Союз, теперь принялись за Россию...

3

Шли годы. Поздней осенью, зимой и ранней весной дни зачастую были неотличимы друг от друга. Вставал Сан Саныч в восемь утра — раньше не имело смысла: заснеженный остров, замёрзшую Большую реку и промороженную тайгу закрывала полярная темь. Шаповал затапливал печи в избушке и в гараже, где стояли снегоходы. Потом готовил еду себе и собакам. Собак держал не меньше трёх. Утром кормил их впроголодь — чтоб не валяжничали в лесу.

Дождавшись рассвета, ехал ставить или проверять настороженные раньше капканы. Добычей могли быть соболя или волк. С последним зверем Сан Саныч воевал беспощадно: кто кого перехитрит.

К сумеркам возвращался в избу. Снова растапливал печи. Включал генератор, который заряжал для утра аккумуляторы. Снимал шкурки, чинил сети, ремонтировал, если надо, снегоходы — при экстремальной езде они нередко выходили из строя. Вечером собак кормил основательно. Любитель поговорить за трапезой, разговаривал с ними — других слушателей не было. Ближайшие два таких же Робинзона находились в тридцати километрах — на промежуточной базе большереченского пароходства.

Однако наступало короткое северное лето, и жизнь Сан Саныча веселела. На далёкий кордон со специальными разрешениями добирались рыбаки. Некоторые из них с годами становились друзьями-приятелями. Привозили

продукты, причём не только, как говорил Шаповал, “для баловства”: конфеты, пряники-печенья. “Серьёзной” еды у него хватало. Мясо с большими рогами ходило рядом, рыба в широком ассортименте плавала тоже недалеко: ленок, щука, язь, таймень и даже осётр, которого можно было ловить по лицензии. Летом держал кур. А вот за хлебом, колбасой, сыром и молоком не наездишься. До посёлка, где находился “коренной” дом Шаповала и где жила его семья, по реке было 150 километров, а это против течения — несколько часов на моторке. И то, если Большая река не поднимет волну метра в три-четыре. Поэтому радовался Сан Саныч друзьям-приятелям: и без того не молчун, становился особо разговорчивым, общительным, шумно ценил их подарки. Даже такие, как арбуз в конце лета. Правда, ел с нескрываемым разочарованием. Закрывал глаза и видел в мечтах Астрахань, Вениаминову бахчу, самого брата, который всё ждал, когда построят железную дорогу к вечной мерзлоте.

Тем временем под грохот чеченской войны и взрывы террористами многоквартирных домов, под стоны умирающей экономики и радостные вопли захватывающего её воя закончился двадцатый век. Наступал двадцать первый. Хотя инспектор охраны природы Шаповал жил в дикой, безлюдной глуши, происходящее в России до него доходило. Приезжали на кордон люди, рассказывали. Впивался в экран телевизора сам, когда добирался домой, в посёлок, где жила семья — жена и двое сыновей.

Впрочем, разгром нормальной жизни можно было увидеть, не выходя за пределы посёлка. Ещё недавно здесь была большая геологоразведочная экспедиция. Работала крупная шахта, уголь которой шёл на суда, обслуживающие Северный морской путь. В посёлке располагалась гражданская авиаэскадрилья: шесть вертолётов, двенадцать самолётов АН-2. Они делали каждый день по 12 рейсов. А что не летать, если билет стоил рубль восемьдесят при зарплате шахтёров в тысячу рублей! Народу в посёлке было около 15 тысяч.

Но когда прекратили финансировать экспедицию, остановили шахту, закрыли аэропорт и даже порушили рыбзавод, безработные люди бросили насиженные места и поехали, кто куда. Осталось тысячи четыре жителей — тех, кому некуда было податься. Жизнь их быстро превращалась в ад. Зарплаты перестали давать совсем. Не стало денег на дизельное топливо для котельных. Остывшие теплотрассы, идущие над землёй, разорвал сорокаградусный мороз. Из них к вечной мерзлоте повисли ледяные сталактиты. Свет начали давать на два-три часа в сутки. Детей согревали бутылками с тёплой водой. Из окон двух-трёх-пятиэтажных домов вылезли трубы “буржуек”, которые замерзающим людям на последние их деньги варили оставшиеся сварщики.

Всё это вызывало у Сан Саныча гнев и делало его политически активным. Поэтому, когда пришлось выбирать нового президента России вместо Ельцина, Шаповал колебался недолго. Хоть и неизвестным был какой-то Путин, к тому же предлагал его не кто иной, как Ельцин, а это весьма настораживало, однако Сан Саныч, возненавидевший алкоголика и разрушителя Союза Ельцина так же, как его “собрата” Горбачёва, оставил в бюллетене фамилию Путина. “Как там говорят: узнаем их по делам их”, — вспомнил Шаповал слова одного из приятелей-рыбаков, и отправился после голосования к своему кордону, лавируя на “моторке” между ледяными полями, которые Большая река несла на север, в океан.

Зато через два года на других выборах — президента Северной Республики — Сан Саныч твёрдо знал, за кого надо голосовать. Из шести кандидатов выделялся один — Владислав Широков. Он был хорошо известен в республике. К сорока восьми годам почти треть жизни — во власти. Сначала — в строительной сфере, поскольку имел образование инженера-строителя. Немного — в партийной. А в 37 лет был избран вице-президентом и одновременно главой правительства Северной Республики. Когда же возникла опасность захвата путём приватизации российскими и зарубежными жуликами главной ценности республики — алмазной компании, — Широкова сделали её президентом. Через годы, оказалось — сделали спасателем.

Шаповал, как и многие за пределами алмазодобывающей отрасли, не знал конкретных действий Широкова. Зато спустя время увидел результат.

Компания не только устояла, оставшись государственной. Она стала второй в мире по добыче алмазов и главной “кормилицей” республики. На две трети наполняла бюджет, содержала школы, медицину, спорт. Фотографии Широкова, в том числе с первым президентом Северной Республики, начали всё чаще появляться по телевидению, в газетах и журналах.

Поэтому не удивительно, что именно первый президент активно поддерживал идею коллектива алмазной компании выдвинуть Владислава Широкова своим сменщиком. Среди тех, кто с этим предложением согласился, был и Сан Саныч Шаповал.

Вениамин Солонкин не то, чтобы жить не мог без Северной Республики. Просто натура у него была, как в известной песне: “Уж если я чего решил, я выпью обязательно”. К двоюродному брату Сане он решил добрать обязательно. Но только поездом. Самолёт исключался категорически.

— Не уговаривай, не полечу, — заявлял он, даже если речь заходила просто об авиации.

— Я тебя и не уговариваю, — сердился Шаповал. — Это же ты хочешь посмотреть места своей молодости! Я свои каждый день вижу.

Но вот, наконец, появилась надежда: во время очередного приезда Шаповал заговорил о переменах, которые стали происходить в Северной Республике. Однако, будучи человеком осторожным, Солонкин слушал недоверчиво.

— Ты вот о переменах говоришь. А главный город, наверно, каким был, таким остался. Помню: приехал туда, дождь прошёл — и улицу нельзя перейти. По досточкам люди идут. Канализации ливневой нету. Это в центре. А вокруг — деревянные трущобы. Дома кривые, как пьяные, пляшут... Того гляди — завалятся. Смотреть страшно — не то, что жить.

— Как будто в Астрахани лучше, — резко перебил брата Шаповал. — Полгорода — развалюхи. С прошлых веков стоят.

— Это точно. Наверно, Степана Разина помнят.

— Ну, а у нас всё это аварийное жильё начали сметать. Целыми кварталами. Вместо них строят высокие дома. Люди только радуются.

— Кто-й-то у вас такой шустрый?

— Новый президент республики Широков. Один срок уже отработал, назначили на второй. Стройки — сразу во многих местах. Бывает, года полтора не появилось в столице, приеду — глазам не верю: откуда что взялось.

— А как с дорогой? — живо спросил Солонкин.

— И дорогу начали строить. Приезжал ко мне на кордон один начальник, рассказывал. Быстро строят. Как в советское время. Широков этот везде деньги находит. И в Москве, и в республике. Говорят, осталось немного рельсов класть. Мост запланировали через Большую реку. Похоже, скоро приедешь.

— Очень хорошо, — засуетился Вениамин. — Ты мне дай знать.

— Дам, дам. Очень уж ты заждался.

4

Теперь уже и сам Шаповал захотел, чтобы приехал брат. Ему было бы на что посмотреть и чему поудивляться. Даже в посёлке, где Вениамин жил когда-то, кое-что изменилось к лучшему. Не говоря о других местах республики, о чём Шаповал узнавал по телевизору, благодаря спутниковой антенне. Но больше всего перемен Сан Саныч замечал в столичном городе во время редких своих приездов из далёкой глуши. Новые высотные жилые здания на вечной мерзлоте. Театры. Университет, в котором собирался учиться уже младший сын. Памятники знаменитым людям. Новые улицы и площади. Даже начали восстанавливать в центре когда-то заброшенные деревянные магазины и купеческие лавки, обещая сделать музей под открытым небом с названием “Старый город”. Сан Саныч давно привык к новой родине, видел в ней много интересного, а сейчас стал и гордиться. “Вот приедет Венька, — думал Шаповал. — Походим с ним здесь... А потом — ко мне на кордон. Много ждал, теперь недолго...”

Но надежды Вениамина Солонкина опять не оправдались. Через три года брат прилетел в Астрахань и сказал, что стройка снова встала.

— Почему?

— Говорят, ушёл второй президент... Который тянул эту лямку. Сам ушёл... досрочно... Дельный был, пробивной. Теперь вроде как денег нет на дорогу.

— Значит, воровать — деньги есть. Не миллионами — миллиардами воруют. А строить — нету. Да-а, Саня, влиялся народ наш с этой властью. Села ему на шею, крутит его головой, куда ей нужно, и дует в уши: я самая лучшая, не смей на меня руку поднимать.

— Похоже так, Вениа. Ну, давай арбуз.

В Астрахань Шаповал прилетел, как всегда, в сентябре. Там у него, на Севере, уже готовились к полёту “белые мухи”. А тут ещё, считай, летняя теплынь, самый арбузный разлив.

Насладившись за две недели божественной ягодой и прихватив пару арбузов с собой, Сан Саньч улетел за 6 тысяч километров в столицу Северной Республики. Оттуда, за 450 километров, на моторной лодке к своему кордону. Там его встретил временно остававшийся за отца старший сын и повизгивающие от радости собаки. Не знали ни хозяин, ни верные четвероногие помощники, что скоро их ждёт большая беда.

Она пришла в декабре. Однажды вечером Сан Саньч стал готовить капканы на соболя. В эту пору у ценного зверька самый лучший мех. Проведёшь по нему рукой, и даже грубая ладонь почувствует его необычайную шелковистость.

Но соболь за будь здоров свою шкуру не отдаёт. Он очень осторожен. Особенно полагается на чуткий нюх. Любой “чужой” запах от капкана заставляет зверька обходить это место стороной. Поэтому не только новые, но и поработавшие капканы надо хорошо обрабатывать, чтобы убрать запах металла или человеческих рук.

У Шаповала было два способа. Первый — выдержать капкан в горячем отваре хвои. Второй был особенно хорош лютной зимой, когда соболу пищу достать трудно: мыши, тетерева, куропатки прячутся глубоко в снегу, и вкусным запахом хищника должен привлекать сам капкан. Для этого Сан Саньч смазывал капканы смесью свиного и звериного жира.

Со звериным проблем не было. Мог подойти любой, кроме медвежье-го, — очень отталкивающим он был. А свиной привозил давний товарищ Гоша Башар.

Башар был человеком местной, титульной национальности. Ниже среднего роста, широколицый, с прищуренными от природы глазами, хваткий, он когда-то женился на красивой украинке. В советское время на пятый пункт в паспорте, означающий национальность, мало кто обращал внимание. Нравился бы человек, а какого он рода-племени, было делом второстепенным. Например, русский Шаповал женился не на “своей”, русской, а на девушке здешней титульной национальности.

Башар с женой время от времени ездили к её родне на Украину. Приезжали оттуда родственники. Самым “ходовым” подарком северянам был “национальный” украинский продукт — сало. Впрочем, его можно было купить и в местных магазинах. Так что со свиным салом у Сан Саньча проблем не было.

С обработанными капканами Шаповал в утренних сумерках поехал на снегоходе в тайгу. Собаки прытко бежали за ним. Три своих, четвёртая — знакомого охотника, который, уезжая осенью с кордона, попросил Сан Саньча оставить у себя крупного рабочего пса: “Прилетим весной на вертолёте — заберу”.

Расставив ловушки в тайге километров за пятнадцать от избы-кордона, Шаповал повернул домой. Собаки бежали за ним. Однако вскоре что-то почувляли и с лаем бросились назад. А снегоход через несколько километров зачихал, дёрнулся и заглох. Сан Саньч забрал рюкзак с оставшейся приманкой, покричал собакам. Затем сделал пару выстрелов из карабина и, подождав, пошёл пешком к дому. Такое уже не раз бывало. Собаки могли погнаться за лосём,

увидеть прыгающую по деревьям белку, вдоволь налаяться и вернуться домой.

Однако наступила ночь, а собака не было. Обеспокоенный Шаповал, едва дождавшись рассвета, на другом снегоходе помчал к оставленной машине. Издалека услышал одинокий лай. Когда подъехал, увидел на сиденье дрожащего крупного пса. Это был чужой кобель. “А где мои три?” — с нарастающей тревогой подумал Шаповал. Проехал километра четыре по собачьим следам и увидел свидетельства произошедшей трагедии. На истоптанном снегу валялись три ошейника.

Сан Саныч понял, что случилось. Волк — это умный, хитрый и находчивый зверь. Знакомый оленевод рассказывал Шаповалу такую историю. В районе зимнего стойбища появилось много волков. Каждый день бригада находила останки зарезанных оленей. Надо было спасать стадо. Попросили маленький самолёт — “кукурузник”. Оленевод и помощник полетели с пилотом. Через некоторое время обнаружили стаю. В лесотундре с редкими деревьями спрятаться волкам было негде. Убили трёх. Оленевод разглядел ещё двоих. Одного догнали, уложили. А второй пропал. Как растворился. Пилот делал круг за кругом — волка не было. Вдруг помощник оленевода закричал: “Смотри! Вон он! — Где? — Да вон, у дерева!” Волк стоял возле большой лиственницы на задних лапах. А передними обхватил ствол и прижимался к нему, чтобы его не увидели с вертолёта. Такого ещё никто не видел. “Давай оставим этого умного!” — смеясь, крикнул пилот. Стрелки согласились и улетели.

Зная повадки волков, Шаповал понял, что произошло с его собаками. Стая выпустила в качестве приманки одного молодого волка. Собаки, почувяв лёгкую добычу, бросились за убегающим зверем. Тот уводил их к спрятавшейся стае. Когда собаки оказались рядом, стая выскочила. Завязалась кровавая драма. Три собаки отбивались недолго. Их быстро разорвали на куски. Но пока волки пировали тёплым мясом, четвёртый пёс убежал и запрыгнул на снегоход.

Стая уничтожила не только собак. Волки сожрали даже залитый кровью снег, но подойти к машине побоялись. Это и спасло чужого пса.

Оставшийся без верных помощников Сан Саныч рассвирепел. Он был не только приветливым и улыбочивым, как это казалось некоторым. Те, кто видели его чаще, знали жёсткий характер Шаповала. Инспектор бросил ловить соболей и переключился на волков. Через несколько дней в капкан попал первый хищник. Пытаясь освободиться, он так яростно грыз металл, что сломал несколько зубов.

— Это тебе не моих собак жрать! — мстительно произнёс Шаповал и выстрелил в оскаленную беззубую пасть.

После того, как в капканы попали ещё два зверя, следы волков исчезли. Поредевшая стая ушла из угодий Шаповала.

5

В начале февраля, в самую стылую пору, когда дневной светлоты и пяти часов нет, а морозы под сорок, Сан Саныч поехал на снегоходе в посёлок, где жила семья. По хорошему, укатанному “зимнику” да на приличной японской “Ямахе” полторы сотни километров он одолевал часа за три. Надо было набрать продуктов и повидать жену с сыновьями. Несмотря на возраст — годы катили к пятидесяти, — он ещё был не плох: высокий, жилистый, на суховатом лице — броские усы. Жена его была из местной титульной национальности, по-своему тоже привлекательная. Но особенно хороши удались дети, подтверждающая расхожую истину, что от смешанных браков получается красивое и здоровое потомство.

На давней своей родине, в Астрахани, Шаповал не был два с лишним года. Из глухомани, с кордона, дозвониться туда он не мог. Не существовало связи. А из посёлка, хоть с грехом пополам, поговорить с братом удавалось. Сан Саныч набрал номер Вениамина, стал ждать ответа. Его долго не было. Наконец, брат ответил и обрадованно засмеялся.

— Здорово, берблжник! Я думал, ты там на своём острове спишь.

— Это ты, Венька, можешь спать, — слегка обиделся Сан Саныч. — Продам арбузы-дыни, и нет никаких дел.

— Да-а, много ты знаешь. У нас и сейчас делов хватает. Надо искать семена — не какое-нибудь фуфло, а урожайные. Пишешь, едешь, торгуешься. Потом — готовить их к посеву. Трактор готовлю... весна у нас быстро приваливает. Не как у вас там. Вот я и думаю: что тебе зимой делать? Спать, как медведю, в берлоге? — быстро проговорил Вениамин и, тут же, без остановки, спросил:

— Дорога-то как? Слышно что-нибудь?

Сан Саныч нахмурился.

— Смотрел я передачу, — сумрачно проговорил он, задетый Венькиным небрежением к его суровой жизни. — Вроде опять начали копошиться.

И, помолчав, осадил брата:

— А вот насчёт спанья ты, Витамин, не туда загнул. Зима у нас — очень рабочее время. Весь учёт животных делаем зимой. По следам смотрим, сколько кого есть. Через два дня вернусь на кордон и поеду в обход.

От шаповаловской избы-кордона до границы его участка на севере было 80 километров. На рассвете Сан Саныч привычно оседлал снегоход и двинулся по тайге вдоль замёрзшей Большой реки. Останавливался. Отмечал следы лосей, соболя, зайцев, лис, волков. С неприязнью увидел косолапый след росомахи, как будто кто-то прошёл в снегоступах. Он, как все охотники, ненавидел этого злобного, сильного и коварного хищника, способного напасть на зверя в десять раз больше него. Росомаху даже медведь обходит стороной, не говоря уже о волках. Медведей развелось много, но сейчас их следов не было. Они появлялись весной, когда звери поднимались из берлог.

Если бы не остановки для записей, за световой день инспектор без проблем добрался бы до конца участка. Там он давно построил избушку. Обычно в ней ночевал и утром отправлялся в обратный путь. Но в этот раз к избушке подъезжал уже в сумерках, при свете фары. Растопил печку, поел и под аккумуляторным фонарём заполнил учётные карточки.

Из-за наступившей темноты несколько километров оказались необследованными. Их Шаповал решил осмотреть на обратной дороге. При дневном свете следы зверей виделись отчётливо. Поэтому все записи карандашом Шаповал сделал быстро и двинулся в сторону кордона. Вдруг в моторе снегохода что-то щёлкнуло, потом раздался резкий, клацающий звук, и машина встала. Сан Саныч, который оба своих снегохода — российский и японский — знал неплохо, с тревогой догадался, в чём дело. Заклинило двигатель. Значит, надо пешком добираться до кордона и сюда приезжать на другом снегоходе, чтобы на буксире тянуть этот.

Застывший спидометр показывал: идти придётся шестьдесят два километра. Шаповал похмурил. Он не раз ходил пешком от заглохшего снегохода до кордона. Но тогда расстояния были не больше десяти-двенадцати километров. А тут шестьдесят два! Сан Саныч взял карабин, достал из ящика под сиденьем котелок и рюкзак, в котором для таких экстремальных случаев держал кое-какую одежду, запасные носки, сухие продукты; положил в рюкзак топор, хлеб, замороженное мясо и пошёл по вчерашнему следу. Широкие гусеницы примяли снег, и валенки не слишком проваливались.

День был светлый, морозно-тихий. Из тайги не доносилось ни звука. Только скрипучий взвизг снега под валенками сопровождал размеренный шаг человека. Но через некоторое время задул лёгкий ветерок. Он быстро усиливался и скоро превратился в позёмку. След снегохода стал пропадать на глазах. Когда его занесло совсем, Шаповал спустился из леса на реку. Здесь снега было меньше, и лежал он плотней. Однако существовала опасность провалиться в полынью. От сильных морозов толстый лёд на реке лопался, на поверхность выступала вода, она тут же замерзала, а сверху тонкий лёд засыпало снегом. Получалась невидимая ловушка.

На открытой реке ветер казался злее, зато идти было легче. Уже давно наступила темнота. От белой равнины реки она была не густо-чёрной, как бесснежная осень, а мутно-серой. Сан Саныч поглядел на светящиеся часы: он шёл уже больше восьми часов. Подумал: “Ещё немного, и можно передохнуть”. Сделал несколько шагов и с хрупом провалился в водяную ловушку. Она оказалась выше колен. Сразу намокли штаны, ледяная вода попала

в валенки. Шаповал откинулся спиной назад, отполз от провала и поднял ноги. Из валенок хлынула вода. Над заснеженной пустыней разнеслась яростная матерщина. Надо было срочно сушиться. Шаповал шёл близко к берегу реки. Время от времени он видел на берегу нагромождения высохших деревьев, принесённых половодьем. К счастью, такой же навал разглядел впереди. Дрожа от холода — к ночи мороз усилился, — инспектор наломал сушняка. Разжёл большой костёр. Подтащил крупные стволы, нарубил в лесу елового лапника. Завтракал он утром, ещё по темноте, но сейчас было не до еды. Вблизи костра вбил в вырубленные топором ямки надёжные палки, развесил мокрые штаны и носки, повернул горловинами к огню валенки. Ноги в запасных носках и утеплённых тренировочных брюках то и дело подносил к костру. Сам тоже поворачивался то спиной, то лицом к пламени.

Дольше всего сохли валенки. Шаповал засовывал в них руки, щупал: насколько ещё сырые? Наконец, решил: хватит. Нужно было приготовить еду, вскипятить воду для кофе, сделать костёр для ночлега. Он натянул на ноги полиэтиленовые пакеты, чтобы не намочить носки, пошёл к навалу сухих деревьев. Вырубил три бревна для таёжного костра-ноды. Пока разжигал его, вскипела вода на большом костре, возле которого сушился. Поев зажаренного на палочках мяса, выпив кофе, лёг на кучу лапника. С одной стороны грел уже догоравший первый костёр, с другой — начинала разгораться нодья из трёх брёвен. Она должна была согреть до утра.

Только теперь Шаповал почувствовал разваливающую всё тело усталость. Ни рукой, ни ногой не хотелось двигать. Он проваливался в дрему, но тут же вздрагивал от холода на лице или на коленях и просыпался. Подвигал к теплу ещё недосохшие валенки, сам поворачивался к огню, думал о своей жизни, об очередном происшествии. Сколько можно ходить по краю бед? Четыре года назад, осенью, запросто мог стать кормом для налимов.

Вспомнив тот октябрьский вечер, Сан Саныч даже сейчас, возле огня, почувствовал холод той ледяной воды, когда он выпал из моторки. Закраины Большой реки и узкие протоки уже начали замерзать. Моторкой приходилось пробивать лёд. Проверив сеть и сбросив рыбу в лодку, он потянулся к мотору, чтоб завести его. Намотал верёвку на вал, дёрнул за неё, не заметив, что рычаг хода сдвинул не вперёд, а назад. Лодка рванула назад и, не ожидавший этого Шаповал — человек всегда переносит центр тяжести в ту сторону, куда будет движение, — выпал из моторки. Уже находясь с головой в воде, он выбросил руку и успел схватиться за борт уходящей лодки. Намокшие ватные штаны, мокрая ватная телогрейка, сапоги, полные воды, тянули на дно. Но он, напрягая все силы, перевалился через борт и заглушил мотор.

Хорошо — кордон был недалеко. Тем не менее, ломая шестом лёд, расталкивая льдинки лодкой, добирался больше двух часов. Думал, заболит. Однако обошлось. Так же, как в другой раз, когда снегоход на скорости провалился под лёд. Был апрель, днём уже припекало солнце, но по ночам ещё держались двадцатиградусные морозы. Где-то там, под снегом, подтаивал лёд, могучее течение Большой реки истончало его, и езда по реке становилась опасной. Но плановый обход, вернее, объезд никто не отменял. Шаповал успел отъехать от кордона совсем немного. Снегоход сначала вздыбил снег с водой, затем гусеницы закрутились, как лопасти колёсного парохода, и тут же машина вместе с инспектором пошла ко дну. Шаповал заработал руками и ногами, вынырнул, вскарабкался на лёд, а снегоход, хорошо видимый сверху, лёг на дно. Надо было скорей поднимать его, пока течение не унесло под ледяной сплошняк.

Сан Саныч добежал до кордона, кое-как переоделся, взял верёвку и так же бегом вернулся к майне. Провал под лёд случился недалеко от берега. Шаповал привязал верёвку к ближайшему дереву, разделся догола и с верёвкой в руках нырнул вниз. Муть, поднятую упавшим снегоходом, течение унесло, и вода была прозрачная. Сан Саныч привязал верёвку за фаркоп и по ней поднялся на лёд. Теперь надо было изловчиться поднять снегоход со дна. Подтянув машину к поверхности воды, Шаповал с помощью жердей и второго снегохода вытащил “утопленника” на лёд.

Вспомнив сейчас об этом, Сан Саныч кисло поморщился. “Ну, что за жизнь у меня? От беды до беды”. Подумал: “Надо бросать эту поганую работу... Где-то есть тепло... Венька — в тепле, одна забота: арбузы-дыни вырастить”.

В последний его приезд Вениамин пристал к брату: почему не уходишь со своего острова? Что тебя держит? Большие деньги? Сан Саныч засмеялся: какие деньги? По сравнению с твоим, доходом мой — пособие для бедных. Раньше хоть на шкурках соболя зарабатывал. Теперь за них стали платить в три раза меньше. Тогда почему не бросишь? Инспектором можешь стать и у нас. За что держишься? За вечную мерзлоту? Не знаю, — пожал плечами Шаповал. — Азарт какой-то держит. Страсть... Мужик я или нет? И тайга... Кто к ней прикаснётся, шкуру с души отрывает... когда человек уходит. Как наркоман...

Но теперь Сан Саныч, вспомнив разговор с братом, подумал: “В самом деле: почему не могу бросить работу эту хренову? Люди живут среди людей... А тут — звери и река коварная. Когда-нибудь угробит меня, и никто не узнает, как было. Топила при большом наводнении... топила... Дом не туда повернула. На память...”

И снова вспомнилась ещё одна беда. Раз в несколько лет Большая река разливается на многие километры в ширину. В верховьях топит села, уносит дома. Ближе к Ледовитому океану заливаает острова. Перед той весной Шаповал с бригадой помощников из трёх человек начал строить новый кордон. Уже поставили сруб на уложенные под углы толстые брёвна из лиственницы, навесили двери, застеклили окна. И вдруг началось половодье. В тот год оно было бурным. Не успели опомниться, как вода залила весь остров и подошла к новому дому. Подняла его. Но не унесла. Четыре дня люди жили в лодке, привязанной к дереву. В ней готовили еду. Здесь же пытались спать. Когда вода сошла, увидели: дом стоит, но как-то странно. Лишь потом разобрались. Наводнение повернуло избу. Вход оказался не к реке, как было до половодья, а сбоку. Так и осталось на годы.

“Теперь хоть поправим, — подумал Шаповал. — Приедет Гошка... Обещал... Сложим новый кордон... У-у, чёрт, костёр, что ль, прогорел?” — вышел из дремоты Сан Саныч, почувствовав холод.

Первый костёр, возле которого он сушился, где кипятил воду, жарил лосятину, почти загух. Только угли краснели в золе. Однако нодья — три больших бревна, положенные продольно друг на друга, — бесшумно горела ровным пламенем, давая хорошее тепло. Шаповал повернулся к нему, стал снова проваливаться в чуткую дрему. Заснуть до отруба он себе не давал. Сознание как бы плавилось, картины перетекали одна в другую, но некоторые детали виденного разрывали эти спокойные картины вспышками тревоги. В сознании вдруг появились следы росомахи, и Шаповал заволновался. Похожая на медвежонка, она, между тем, была исчадием ада для звериного мира тайги. Огромные, острые когти, благодаря которым росомаха не только легко забиралась на деревья, поджидая добычу, но и была способна разорвать горло медведю, а также самые сильные, по сравнению с другим зверьём, челюсти делали её врагом всех. Кроме человека.

Но и это пока не было доказано. Однажды к Сан Санычу на зимнюю охоту прилетели на вертолёте три богатых бизнесмена. И с ними не пропуская возможности поохотиться шаповаловский приятель Гошка Башар. Прилетели с лицензиями. Один из троих только что вернулся с Аляски. За ужином, как водится, заговорили о происшествиях, о повадках зверей. Вспомнили росомаху. Обматерили эту “гниену Севера”, способную на один паскудства. Залезет на охотничий лабаз, пометит всё вокруг своей зловонной струёй — и ни человек, ни зверь к припасам не подойдут. Лося может одолеть. Хорошо хоть на человека не нападает.

После этих слов тот, что с Аляски, заметил: “Фактов пока нет. Может, до поры до времени. Но опасения есть”. И рассказал историю, известную всей Аляске.

Молодой мужчина поехал на снегоходе из одного городка в другой проведать семью. За сто тридцать километров. “Почти, как у тебя!” — сказал Сан Санычу Гоша Башар. Тот кивнул.

— Но где-то на полпути, — продолжал охотник, — снегоход стал проваливаться сквозь морской лёд. Мужчина намок в ледяной воде по грудь. Кое-как выкарабкался и пошёл пешком в мокрой, заледеневшей одежде. Через некоторое время увидел, что за ним идёт напавшая на его след россомаха. Он знал о её свирепом нраве и своей незащищённости, поскольку стал всё сильнее уставать. Человеку показалось, что хищница просто ждёт удобного момента, чтобы напасть. Он даже слышал, как она царапала когтями лёд. Его спасло, что на пути попался деревянный ящик. Мужчина залез в него и стал замерзать. При этом он слышал, как над головой пролетели три вертолётца, разыскивающие его. Ситуация ухудшалась ещё тем, что ветер почти замёл следы. Но мужчина продолжал кричать о помощи. Крики услышали отправившиеся на поиски спасатели. Россомаха, завидев их, убежала.

“А меня никто искать не будет, — подумал встревоженный этим воспоминанием Шаповал. — Никто не знает, куда я ушёл, когда, и сообщить никому нельзя. Жена будет думать: я на кордоне... А я где-нибудь на дне... Или с россомахой дерусь... К костру она не подойдёт. Но когда уйду от костра, устану — идти надо ещё километров тридцать...”

И Шаповала охватила такая злость, что он решил обязательно бросить эту работу. “В тепло... в тепло... К людям...”

Он вспомнил, что уже не раз собирался это сделать. После каждого смертельно опасного приключения заявлял себе: уйду. Но проходило немного времени, сознание забивала какая-нибудь очередная забота, глаз схватывал краски осенней тайги или могучий простор Большой реки, и Сан Саныч с усмешкой думал: “Ну, что я за мужик! Чуть не поддался минутной слабости”.

Однако теперь он твёрдо решил: оставлю эту гадскую работу. И успокоенный таким своим решением, повернувшись к теплу таёжного костра, снова стал проваливаться в дремоту. В сознании появилось лицо жены, потом улынулся младший сын — его он стал привлекать к жизни на острове, чтобы мог иногда заменять отца. Сын почему-то сидел в лодке... её спокойно несло течение, вода с шорохом обтекала борт, и шелест этот явственно услышал Сан Саныч. Он неохотно стал поднимать слипшиеся от дремоты веки, ещё не понимая, откуда шелест, в полусне инстинктивно сжал карабин, который держал в руке, и сквозь щёлки разомкнутых век увидел зелёный свет. Открыл глаза и, поражённый, рывком сел в своей еловой лежанке. Всё небо от горизонта до зенита над головой горело разноцветными сполохами. Они ежесекундно меняли свои очертания, словно их раздувал, менял местами и очертаниями какой-то небесный ветер. То были похожи на облака, то через несколько мгновений превращались в огромный колокол, то растягивались в бескрайние занавески. Зелёные, фиолетовые, пурпурно-красные, синие сполохи танцевали какой-то фантастический, неземной танец, и тихий шорох, скорее похожий на шелест, нисходил сверху к поражённому человеку.

Сан Саныч много раз видел северное сияние. Как божество людей, которым судьба и природа подарила возможность увидеть божественную красоту, подолгу не мог оторвать глаз от небесной феерии. Но это северное сияние, как показалось Шаповалу, что-то перевернуло в душе. “Красота какая, — с волнением подумал он. — В тёплых краях не увидишь такое. Там есть своё... Но и у нас — своё... Венька, наверно, забыл, когда видел такое небо. Нет, что я за слабак, бежать отсюда... Пройду эти тридцать... Меня не свалишь... Проблемы? Они есть везде. Венька жалуется на оптовиков, ненавидит их. Стараются обмануть. Пять-шесть неважных арбузов приметят, по ним норуют всю большую партию оценить. Что за жизнь пошла — на чужом хребте в рай захватить... Какая ж всё-таки красота! И её бросить?!...”

Шаповал окончательно проснулся. Зачарованно смотрел на переливы разноцветья. Снег на реке то и дело менял окраску. Ближние торосы льда, прозрачные днём, особенно красивыми становились при появлении красных сполохов. Стало светло, как в начале рассвета. Сан Саныч поглядел на часы. Можно было растаивать в котелке снег... Кипятить воду для кофе, к которому пристрастился после того, как бросил дурить с водкой.

При свете большого костра, который снова разжёл, поел прогретого на огне хлеба, обжарил лосятину и всё это “заполировал” кружкой кофе.

Впереди была долгая и непредсказуемая дорога. Однако Сан Саньч верил, что одолеет её.

6

Когда Большая река ещё уносила последние льдины в океан, на шаповаловский остров, за четырёста пятьдесят километров от столицы, приплыл на моторке Гоша Башар. Невысокий, хваткий, ловкий, он огибал ледяные поля, цеплялся за небольшие льдины и плыл с ними по быстрому течению, жадно вдыхая свежий речной воздух и экономя бензин. На одной льдине увидел исхудавшую лайку. Она, похоже, долго плыла и не рисковала броситься в воду. Гоша позвал её. Собака с радостью запрыгнула в моторку. Правда, Сан Саньч встретил приятеля с собакой сурово: “Куда мне её?” Но разглядел: сучка. “Пойдёт на развод”. Тем более своих осталось только два кобеля. Третьего, самого старого и опытного в охоте, молодые псы разорвали зимой, когда бегали по льду за тридцать километров к сучонке на большепереченскую базу. Теперь шкура бывшего вожака висела на стене старого дома. Для сооружения нового кордона как раз и приплыл Гоша Башар.

Они знали друг друга давно. Шаповал приехал после института в посёлок, где был рыбозавод, а Башар, отец которого работал директором этого завода, вернулся домой, отслужив в армии. Устроился на шахту. По блату, в проходческую бригаду, где были самые высокие заработки.

После развала Советского Союза его огрызок — Россию — стал быстро захлёстывать ничем и никем не регулируемый кооперативный поток. Гоша однажды приехал в гости к знакомому кооператору, торговавшему спиртом “Рояль”. Выпили хорошего виски. Голландский “Рояль” был спиртом техническим. Люди травились, но брали по принципу “дешево и сердито”. Придумывали разные способы преобразовать в пригодный напиток отдающее жжёной резиной “пойло” для протирки окон. Называли “рояль”, говорили: “Ударим по клавишам”, — а самые отчаянные добавляли: “И возьмём резиновую женщину...” Когда основательно выпили, кооператор стал хвастать: денег — куры не клюют. “Наверно, кур нету”, — съязвил Башар. Кооператор согнал Гошу с дивана, на который тот откинулся, поднял сиденье. Всё нутро дивана было заполнено пачками денег.

— “Рояль” играет, — сказал кооператор. — Такая музыка — каждый день.

Ошеломлённый Башар понял: вот куда надо идти. В торговлю спиртом. Уволился с шахты, занял денег, открыл сначала магазинчик в посёлке, а поднакопив капитала на торговле “Роялем”, развернулся даже в столице республики. Богател Гоша не годами, а неделями. Вошёл в число самых состоятельных людей. Купил малиновый пиджак. На шею повесил золотую цепь. Знал только с теми, кого издавна было видно как человека с большим достатком. В океане нищеты, латаной-перелатаной одежды, подвязанной верёвками обуви они были крошечным островком, пышущим благополучием. Хвастались друг перед другом дорогими костюмами, заграничными пальто, бешеной цены шубами.

Однако Башар раньше других сообразил, что эта пена продержится недолго. Пьяные деньги, которые пузырились людскими бедами, несли беду и новым богатым. То один, то другой, то третий начали спиваться, деградировать, превращаясь в ничтожество. Гоша бросил “играть на рояле”, стал торговать продуктами, одеждой.

Но и это всё меньше удовлетворяло его. Деньги деньгами, однако нужен был социальный статус. Башар прибил к одному депутату республиканского парламента, и тот сделал его своим помощником. С этого момента началась околообщественная Гошина деятельность. Правда, чем дальше, тем меньше его устраивала необходимость бывать на работе каждый день. Башар полюбил охоту, рыбалку, а в городе раскинуть сети можно было разве что на красивых женщин. Поэтому Гоша пристраивался то там, то тут, пока не нашёл работу типа “не бей лежачего”. А будучи человеком при нужде активным и ответственным, он исполнял свои несложные обязанности порой

даже с азартом, что устраивало башаровых начальников. И, конечно, прежде всего, устраивало его самого. Теперь он мог неделями охотиться на гусей и копытных животных, ловить в труднодоступных горных речках тайменя, ходить на своей моторке по Большой реке за полутоннажными щуками, добывать лицензионного осетра. И аккуратным напарником во всех этих делах был его многолетний друг-приятель Саня Шаповал.

В свою очередь Гоша тоже не отказывал другу в помощи. Когда кордон инспектора обветшал, и Сан Саныч решил строить новый, Башар приплыл на остров. Вдвоём они несколько дней таскали огромные брёвна лиственниц под углы будущего дома. Лиственница — очень крепкое дерево, долго не гниёт, не зря из неё сделаны фундаменты многих дворцов в Венеции. Потом две недели собирали из бруса стены, крыли крышу, врезали оконные рамы и навешивали двери. После чего Гоша засобирался в город: звали дела. За ужином, под укоризненными взглядами друга, который пил кофе, а Башар наливал себе уже четвёртую большую стопку водки, Гоша вдруг хлопнул себя по лбу.

— Забыл. Хотел сразу тебе сказать, да вот только что вспомнил. В июле запускают к нам первый пассажирский поезд. Можешь брату сообщить.

— Запустят — сообщу. Вдруг опять денег не хватит, а я Веньку расстрою.

Всю остальную весну и половину лета Сан Саныч работал то на доме, то в объездах. В начале июля на кордон прибыл для помощи отцу младший сын. И первым делом объявил:

— Тебе звонили из министерства. Зачем-то просили перезвонить им. Сказали: ты знаешь кому.

Отец удивился, пожал плечами:

— Знаю. Только зачем я им понадобился?

Но ещё больше он удивился, когда из посёлка позвонил в министерство.

— Собирайтесь, Александр Александрович, в представительскую поездку. Республику соединили железной дорогой со всей Россией. К нам готовится первый пассажирский поезд. Пассажирами хотят сделать ветеранов железнодорожного строительства и передовых тружеников республики.

— А я при чём?

— Здравсьте! Лучший инспектор охраны природы, имеет столько наград. Так что надевайте их и приезжайте сюда.

7

Железную дорогу в Северную республику ждал не только брат Сан Саныча Вениамин Солонкин. С ещё бóльшим нетерпением ожидали её сотни тысяч местных людей. Их благополучная жизнь каждый год зависела от того, как удастся провести так называемый “северный завоз”. За короткое лето — два месяца с небольшим — надо было доставить в городки и посёлки, разбросанные по бескрайней территории и находящиеся порой за сотни километров друг от друга, всё, что необходимо современному человеку. А это тысячи тонн продуктов, десятки тысяч тонн горючего для дизельных электростанций, сотни тонн разных промышленных товаров, начиная от одежды и обуви и кончая женской косметикой, детскими игрушками, школьными тетрадами.

Автомобильных дорог, способных работать круглый год, в республике мало, и соединяют они только часть огромной территории. Раньше помогала авиация. Сейчас слетать за чем-нибудь в столицу республики из отдалённого посёлка означает разориться. Остаётся единственный путь — Большая река и её притоки.

Однако наиболее надёжный транспорт — железнодорожный. Это понимали и в царской империи, и в советской стране. В первой — построили самую длинную в мире магистраль — Транссибирскую, — благодаря чему “сшили” страну в единое целое от Балтики до Тихого океана. Советская “империя” строила много железных дорог. При этом думала как об экономике завтрашнего дня, так и об обороне и безопасности. Имея на дальневосточных

границах пока ещё расхристанного, слабого, но с огромным населением и многовековыми амбициями соседа, наиболее дальновидные люди “империи” знали, как быстро песни о дружбе сменяются военными маршами. А потому несколько раз принимались строить севернее Транссиба, на расстоянии примерно тысячи километров от него, стратегически важную железную дорогу — Байкало-Амурскую магистраль. Перед Отечественной войной даже уложили первую сотню километров. Но в 1942 году разобрали рельсы, шпалы, мосты и за несколько месяцев построили Волжскую рокаду — железную дорогу длиной почти в тысячу километров на левом берегу Волги, чтобы подвозить людей и боеприпасы войскам, дерущимся на другом берегу, в Сталинграде.

После войны к строительству БАМа вернулись. Тем более что обстановка подсказывала: надо ухо держать востро. В 1969 году произошёл военный конфликт на острове Даманский, что на притоке Амура — реке Уссури. Требуя вернуть им “свою” территорию, китайцы напали на советскую пограничную заставу. Погибло 58 советских солдат и офицеров.

Вскоре началось активное строительство БАМа сразу с двух сторон: из Сибири и от Тихого океана. Основная часть прокладывалась двенадцать лет: с 1972 года по 1984-й. В следующем году — 1985-м — рельсы от БАМа пошли на север, на земли вечной мерзлоты.

Длина этой железной дороги должна быть около восьмисот километров. Строили её то быстрыми, советскими темпами, то вяло, вплоть до полной остановки. Дело растянули на тридцать четыре года. Наконец, магистраль довели до берега Большой реки, почти напротив столицы Северной республики. И решили торжественно запустить пассажирское движение по многострадальной дороге.

“Представительский” поезд, который двигался с юга, от БАМа, собирая на всех станциях ветеранов строительства, знатных железнодорожников, дошёл до крупной станции ровно в середине дороги. Сюда должны были прибыть почётные гости с севера, из столицы республики.

Александр Александрович Шаповал прилетел в город, где находилась станция, на самолёте. В советское время в этот город самолёты летали два раза в день. Теперь — один раз в неделю, и рейса пришлось ждать.

Вместе с другими гостями инспектор постоял на митинге. Увидел и послушал бывшего президента Северной республики Широкова, которого после митинга окружила большая толпа. Люди тянули руки, чтобы поздороваться, старались сфотографироваться с ним. Шаповал застенялся пробиваться сквозь толпу — вспомнит ли Широков их встречу? Вдруг толпа зашевелилась, люди стали расступаться, пропуская бывшего президента и нескольких человек с ним. Он шёл, что-то рассказывая молодой полнеющей женщине с диктофоном в руке. Инспектор понял: журналистка старается не упустить момент. Широков шёл быстро, женщину задевали идущие рядом люди, и она одной рукой держала диктофон, а другой придерживала большую белую шляпу, закрывающую лицо от жаркого солнца. И тут Широков увидел Шаповала.

— Александр Александрыч! — улыбнулся он. И женщине: — Извините, Маргарита Сергеевна.

Все, кто знал Широкова, поразились его необыкновенной, какой-то фантастической памяти. Он запоминал имена, фамилии, лица даже мимолётно встреченных людей. А у Шаповала однажды был три дня.

В тот раз президент Северной республики приплыл на шаповаловский остров со знаменитым героем Чеченской войны, генералом Трошевым. Генерал оказался большим любителем рыбалки, а хорошие места для разрешённой ловли были как раз на территории Шаповала. Три дня Трошев ловил в протоках Большой реки метровых щук, на моторке уходил с Сан Санычем и Широковым к устью горной речки, где жировал таймень. Гости были покладистыми, не чванились, как простые мужики прыгали в холодную воду и толкали севшую на мель лодку.

Но через некоторое время Сан Саныч с горечью узнал, что генерал Трошев погиб в авиационной катастрофе. И очень пожалел, что, прилетев в Астрахань, рассказал об этом Вениамину. Брат в этот момент закусывал

после очередной стопки “за встречу”. Услыхав про гибель пассажирского самолёта с генералом, поперхнулся, выпучил обычно маленькие, жёлтые глазки и долго не мог ничего сказать. Лишь мотал головой. Наконец, выговорил с набитым ртом:

— Пока... Нет, Саня... пока дорогу не сделают, с места не тронусь. Надо же, что с этими... с самолётами творится.

Теперь Сан Саныч стоял возле первого пассажирского поезда к вечной мерзлоте и стеснительно улыбался подходившему Широкову.

— Здрассьте, Владислав Антоныч! Вот послали... Такое событие...

— Да, событие большое. Для нас, можно сказать, великое. Но вы приходите в наш первый вагон. Чайку попьём. Поговорим.

Шаповал кивнул и пошёл к своему вагону. Вскоре заполненный состав двинулся на север. Поезд шёл не быстро, с остановками. Наступил вечер, и после хорошего бесплатного ужина для всех в вагоне-ресторане пассажиры легли спать.

Летом ночь на Севере короткая. Сан Саныч даже забыл, когда последний раз ездил на поезде. Поэтому, едва рассвело, он приник к окну, с радостью разглядывая законные картины. “Самолёт, конечно, быстро несёт, — думал он. — Но разве увидишь отсюда, с той высоты, вот эту красивую землю? Эту тайгу... подступает к линии... а вон путевой обходчик... смотри-ка: в форме, как я... с жёлтым флажком, накинул на фуражку и на лицо сетку от комаров. Порадуется Венька, когда всё это увидит... порадуется...”

Как человек общительный, Сан Саныч перезнакомился со всеми соседями, рассказал о себе, выспросил, кто откуда, похвалил за нужную дорогу пожилого строителя с орденами и медалями на пиджаке, который тот аккуратно повесил на вешалку в купе. Шаповал тоже разделся — в вагоне было жарко, повесил свой светлый пиджак рядом и, хотя наград у него было много меньше, всё же он гордился, что едет с такими хорошими людьми.

Вдруг кто-то открыл дверь в купе и крикнул:

— Смотрите!

Все выскочили в коридор. То, что увидели, растрогало до спазм в горле. Вдоль железной дороги длинной цепочкой стояли люди. Одни махали платками, другие качали плакатами, на которых от руки, фломастерами были написаны разные приветствия и лозунги. На одном Сан Саныч прочитал: “Железная дорога — это жизнь!” На другом: “Теперь доедем до Москвы!” Рядом с женщиной, которая держала этот плакат, стояла девочка лет десяти и махала поезду правой рукой. На согнутой левой висела корзинка. “Ягодники”, — определил Шаповал и спросил у молодого соседа по купе:

— Откуда узнали про поезд?

— По телевизору говорили. Несколько дней. Радуются люди. Теперь надёжно связаны с Большой землёй.

В вагон пришли журналисты. Сан Саныч рассказал двоим корреспондентам телевидения — женщина задавала вопросы, а парень в это время снимал, — как он рад ехать по этой дороге. Почему рад? Ну как же, её много лет ждал его двоюродный брат Вениамин Солонкин.

— А вы разве не ждали? — спросил оператор. — Вам она не нужна?

— Нужна, нужна. Но я живу на острове, а вот мой брат — в Астрахани.

Оператор отвёл камеру от лица, вскинул удивлённо брови, не поняв, при чём здесь астраханский брат, много лет ожидавший этой дороги, и вместе с женщиной перешёл к пожилому строителю, который в это время уже надевал звенящий от наград пиджак.

Через какое-то время возле полотна дороги снова увидели цепочку людей, восторженно приветствующих проходящий поезд. Видимо, специально для них машинист дал длинный, торжественный сигнал.

8

Шаповал вспомнил о приглашении Широкова и пошёл по составу в первый вагон. Пройдя четыре вагона, он открыл дверь в тамбур следующего. Там стоял худой, в новом кителе, проводник.

- Это какой вагон? Первый?
- Первый, первый. А тебе зачем?
- К Владислав Антонычу. Приглашал.

Проводник страдальчески сморщил вытянутое, сухое лицо.

— Что вы не даёте человеку спокойно ехать? Идут, идут... Там уж полный вагон. Корреспонденты... Люди разные... Ну, чего встал? Иди, если звали.

Он расстроено махнул рукой и отвернулся от Шаповала.

В отличие от всех купейных вагонов, которые прошёл инспектор, этот был обычным, плацкартным. Люди в нём, действительно, и сидели, и стояли. Ближе к середине грудилась в проходе, разговаривали между собой, к кому-то обращались. Сан Саныч услышал густой, мощный голос Широкова.

— Проходите! Можете вот здесь сесть.

Оказалось, он приглашал женщину-журналистку — её Сан Саныч видел с тем телевизионным оператором, который спрашивал у Шаповала, нужна ли ему железная дорога.

— Владислав Антонович! Мы из республиканской телевещательной компании, — сказала журналистка. — Программа “Актуальное интервью”. Все наконец-то дождались вот этой магистрали. Тридцать с лишним лет! Скажите, вы сегодня счастливы?

— Конечно! Очень счастлив.

Ещё бы ему не быть счастливым! Столько лет её хотел, спорил, убеждал, считал проложенные километры. Впервые стал заниматься дорогой в начале 90-х, когда избрали вице-президентом Северной республики и одновременно — главой правительства. Развал страны, всё рушится, средства нужны, чтоб закрыть внезапно появившиеся многие дыры, в том числе те, которые раньше закрывала союзная власть, а он ищет деньги, чтобы хоть немного продолжить строительство железной дороги, начатой от БАМа в Северную республику. Потом его бросили на спасение алмазной компании — главной ценности республики, — и несколько лет он с командой боролся, чтобы не дать украсть её, поднять с колен, сделать одной из могучих в мире.

— Но у меня, Владислав Антонович, честно говоря, чувство, будто мы едем не по нашей Северной республике — так всё необычно. А у вас какие ощущения?

— У меня, как раз, наоборот. По нашей земле едем. Природа наша. Люди наши. Вон как приветствуют! Нет, это наша республика... и дорога наша.

— Известно, что строилась она с большими паузами. Особенно быстро шло дело в начале двухтысячных годов. Вы тогда были президентом республики. Скажите, как вам удалось убедить федеральные власти и, главное, найти средства, чтобы достроить эту дорогу?

— С деньгами было непросто и в конце советского периода. А когда начался переход к рыночной экономике и всё рухнуло, федеральные власти вообще махнули рукой на это строительство. “Какая дорога? О чём вы говорите? Денег нет на более важные нужды”, — отвечали нам. И во второй половине 90-х годов — вы помните то время? — люди по десять-одиннадцать месяцев не получали зарплату, строительство остановилось вообще. А без дороги невозможно нормальное существование республики. Даже с точки зрения экономической безопасности. Как вы знаете, на нашей Большой реке периодически, примерно с промежутком в десять-одиннадцать лет, случаются маловодные годы. Вот так произошло в середине восьмидесятых. Порт, к которому подходит ответвление от Транссиба, находится в самых верховьях Большой реки. Оттуда грузы на судах развозят по реке, а затем — по всей республике. Но в тот год река в верховьях настолько обмелела, что невозможно стало оттуда везти никакие грузы. В том числе дизельное топливо для электростанций в Алмазную провинцию. А без электричества в наших суровых условиях — огромная беда. Остановится производство, разрушится нормальная жизнь людей. И встал вопрос: что делать? Появились предложения прекратить добычу алмазов на целый год, до следующей навигации. А людей из городов эвакуировать. Но по зрелом размышлении от этой идеи отказались. Поняли: невозможно будет восстановить работу карьеров,

обогачительных фабрик, социальной сферы. И тогда руководство Советского Союза приняло решение завозить топливо в Алмазную провинцию самолётами. Военными самолётами завозить! Целая авиационная дивизия доставляла горючее в наш Алмазный край с начала октября до конца мая. Эта чрезвычайная ситуация послужила поводом для принятия советским правительством масштабных решений. Первое — строить в Алмазной провинции на газовом месторождении большую электростанцию. И второе — прокладывать от БАМа железную дорогу до республиканской столицы, которая, как известно, находится намного ниже по течению реки и не так страдает от маловодья. В середине 1990-х годов засуха повторилась. На этот раз она затронула центральную часть республики. Поэтому в начале двухтысячных годов мы поставили задачу: в обязательном порядке реанимировать строительство железной дороги. На федеральном уровне такой наш замысел не находил понимания совершенно. Я помню мои разговоры в министерстве экономического развития, в министерстве транспорта. Отвечали так же, как раньше: “Вы что! В стране такая тяжёлая ситуация. Какие там дороги новые? Дай Бог, что есть, поддержать”. Тогда мы решили за свой счёт расконсервировать строительство. При этом, честно сказать, я не знал, сколько нам удастся сделать своими ресурсами. Но было понимание, что это главнейшая задача.

— А что за история с судебными тяжбами, Владислав Антонович? Чем всё это было вызвано?

— В начале двухтысячных годов, с избранием президентом России Путиным Владимира Владимировича, федеральная власть приступила к ревизии целого ряда прежних решений по собственности. Решений, принятых президентом Ельциным не на основании законов, а в результате каких-то его личных договорённостей с главами субъектов. Ревизия была проведена, и правительство стало возвращать в федеральную собственность те объекты, которые были отданы незаконно.

— Так ли уж это было необходимо?

— Необходимость с точки зрения правительства была.

Широков усмехнулся.

— Готовилась вторая волна приватизации. Ну, все субъекты отнеслись к требованиям вернуть некоторую собственность в общем-то безропотно. За исключением, пожалуй, двух. Вы, может, помните скандальную историю с Башкортостаном — от них требовали отдать крупное добывающее предприятие “Башнефть”. А нам предъявили претензии по четырём объектам. Это Алмазная компания, Арктическое морское пароходство, Североуголь и системы связи. Мы категорически не согласились с правительством России. Сказали, что добровольно ничего не отдадим, а как вы возьмёте в таком случае — неизвестно. И началась тяжба. Длилась она долго и ни к чему не приводила. А поскольку мы остались единственным субъектом, который жёстко не соглашался с требованиями правительства, то дело вышло на уровень президента России, и при нём состоялось несколько совещаний. Мы упорствовали до конца и в конечном счёте сказали: раз так, тогда мы подадим в суд на правительство Российской Федерации.

— В суд на правительство?

— Да. Это нормально, если государство является правовым. А правительство, в свою очередь, подготовило и подало иск на нас. В общем, все попали в довольно неудобную ситуацию. Президент сказал, что ни к лицу нам судиться, надо найти компромиссы, которые устраивали бы всех, и поступить с учётом справедливости и здравого смысла. Конечно, эти объекты по закону должны находиться в федеральной собственности. Но ведь вы же сами говорили, обратился он к министру экономического развития, что республика хорошо управляет ими! Тогда пусть будет так — объекты будут в федеральной собственности, но мы их передадим в пользование республике. Однако тут же выяснилось, что “Североуголь” уже находится в планах приватизации, которые изменить нельзя, и должен быть продан. Услышав это заявление представителя Росимущества, я сказал: “Тогда деньги от продажи должны пойти в бюджет республики”. Президент посмотрел на

представителя, как бы спрашивая о сумме. “Максимум 150 миллионов долларов”, — сказал тот.

Широков помолчал, улыбнулся.

— Знали бы в правительстве, за сколько мы сумеем его продать, ни за что не разрешили бы. Не 150 миллионов, а два с половиной миллиарда долларов пришло в наш бюджет! Вот так появились средства, в том числе и на продолжение строительства дороги. Конечно, этой суммы всё равно не хватило бы, и федеральное правительство, видя упорство республики, нашу заинтересованность в магистрали, включило её в общероссийскую программу и выделило значительные средства. Дело пошло хорошо, но потом основную подрядную структуру — корпорацию “Транстрой”, знаменитую своими БАМовскими традициями, — продали одному олигарху, он выделяемые на дорогу деньги стал уводить в сторону, и на строительстве началась чехарда. Она растянула достройку на несколько лет. Но сейчас, слава Богу, пассажирское движение открыто, и любой житель нашей республики может поехать на поезде хоть во Владивосток, хоть в Сибирь, хоть в Москву.

— А мост через реку тоже был запланирован?

— Да. В 2008 году в Сочи была открыта большая транспортная выставка — первая такая масштабная в России. И там мы представили проект совмещённого автомобильно-железнодорожного моста. Договорившись заранее, точно такой же проект представили министерство транспорта и в “Российские железные дороги”. На выставку приехал Путин — он был тогда премьер-министром. Мы пригласили его посмотреть нашу экспозицию, а там было много всего интересного. Он остановился у проекта моста, расспросил о нём. Ему рассказали о возможном развитии железнодорожной сети на Севере и Северо-Востоке России, о перспективе вести дорогу до Магадана, на Камчатку. Следующей была экспозиция министерства транспорта. Конечно, премьер не мог не зайти туда. А там — тоже проект моста, который он только что видел у нас. Следующей была экспозиция “Российских железных дорог”. Путин, не заходя туда, опять увидел большую знакомую фотографию. “Да что это такое! Вся страна занимается этим мостом!” И дал поручение включить строительство этого моста во все федеральные программы.

9

Вскоре телевизионщики ушли. Из журналистов остались лишь худощавый, коротко стриженный паренёк, назвавший Широкову одну из республиканских газет, и та молодая полнеющая женщина, которая записывала рассказ Владислава Антоновича после митинга, которую он назвал Маргаритой Сергеевной. Похоже, она рассчитывала получить ещё какой-то комментарий.

Успокоившись, пассажиры первого плацкартного вагона стали рассаживаться по своим местам. Две проводницы начали разносить чай.

На боковое место напротив Широкова сел высокий, сухой мужчина с мрачным лицом. Пока Широков рассказывал для телевидения историю долгого и трудного строительства железной дороги в Северную республику, он стоял в проходе и нервно реагировал на отдельные моменты. Видно было, что история эта ему хорошо знакома. Теперь мужчина взял стакан с чаем, отхлебнул и проворчал:

— Да-а, мо-о-ст... Много лет планировали нормальный, для поездов и машин, а теперь только автомобильный.

— Ну, и правильно! — строго заявил молодой человек лет двадцати пяти в джинсах, в расстёгнутой лёгкой ветровке, которая открывала футболку с рисунком английского флага. Он был круглолиц, с небольшим вздёрнутым носом, бледно-голубые глаза смотрели холодно.

— Зачем в каждую деревню вести железную дорогу?

И засмеялся:

— Гознак столько денег не напечатает. Бумаги не хватает.

— Это вы что назвали деревней? — с сердитым удивлением спросил сидящий напротив Широкова мужчина. — Столицу нашей республики? Город, где триста с лишним тысяч населения? А сами-то вы откуда? Из какой деревни?

Шаповал сидел рядом с Маргаритой Сергеевной. Он возмутился, как и широковский сосед: так оскорбить большой, красивый город — самый крупный не только в России, но и в мире город на вечной мерзлоте.

— Это кто? — тихо спросил он Маргариту Сергеевну, показав взглядом на раздражённого мужчину.

— Будников, — на ухо Сан Санычу сказала она. — Строил эту дорогу, потом новые хозяева уволили его.

— Я-то из деревни по имени Лондон, — хмыкнул молодой человек.

В этот момент сидевший рядом с ним плотный, черноусый мужчина в парадном кителе железнодорожного начальника встал, чтобы взять у проводницы стакан с чаем. Посмотрел на молодого человека с изображением английского флага на груди и в некотором смущении сообщил:

— Виталий Владимирович Метельский — представитель Министерства транспорта России. Из Москвы.

Шаповал, который всё время, пока сидел в вагоне и пытался сообразить, где он видел черноусого мужчину, в этот момент, наконец, вспомнил его. И не только встречу, но даже имя, отчество и фамилию. Года четыре назад к нему на кордон приплывал он вместе с Гошкой Башаром и двумя чиновниками из правительства республики. Тогда ещё в разговоре за столом в его летней кухне кто-то упомянул о строительстве железной дороги. Сан Саныч сразу ухватился за эти слова, стал выспрашивать: что да как? когда пустят — уж очень брат ждёт её. Чиновники дружно указали на черноусого: вот его — Василь Петровича Чемонина — спрашивай. Он — начальник уже действующей части дороги. Когда пустят всю, знает лучше других.

Ничего хорошего начальник тогда не сказал. Опять, мол, увязла стройка в бардаке, и заключил: “Конец в таком же тумане, как у тебя здесь...” А надо сказать, в тот день на Большую реку и на остров с домиком кордона опустился небывало густой туман. Даже ехать рыбачить не рискнули. День приезда гостей был ясный, всё радовало и вот — на тебе: пришлось сидеть и выпивать.

— Ну, вот... А то — Лондон, — насмешливо произнёс Будников.

— Я действительно вырос в Лондоне! — не без обиды выпалил Виталий Владимирович. — Родился в России... в Питере, а рос в Англии.

— И как вы туда попали? — спросил молодой газетчик.

— А то ты, Коля, не знаешь, как от нас туда попадают, — усмехнулась Маргарита Сергеевна. Газетчик кивнул и ещё настойчивей обратился к чиновнику:

— И всё же?

— Как многие из России. Отец имел банк. В 2001-м купил дом в Лондоне, перевёз туда маму и нас с сестрой — она младше меня. Потом его банк обанкротился, и отец тоже переехал насовсем в Лондон. Там много людей из России. Говорят, тысяч триста. Не зря Лондон называют Лондонградом.

— Ну, это понятно. Банк папы лопнул, ваш папа ни при чём, — с иронией сказал молодой журналист Николай, — а как вы сюда попали? — продолжал он допытываться. — В российскую государственную структуру?

— Друзья отца, которые здесь, помогли. Отец сказал, что Россия — это место, где можно набраться опыта и капиталов.

Широков внимательно слушал представителя Минтранса. Видно было: парень самоуверенный, чувствует свою независимость, потому что может в любой день уехать к папаше. Но пока он тут, должен ведь интересоваться делами министерства!

— Как вам наша новая дорога, Виталий Владимирович? Что вы о ней доложите своему руководству в Москве?

— Скажу, что дорога не нужна. Она даже вредна, если думать о будущем человечества.

— Вон как! — изумился Широков. — Это почему ж она вредна? Вы видели, как радуются люди?

— Они ничего не понимают. Главная ценность этой земли, всей вашей Северной Республики, всего Северо-Востока России — от Чукотки до Байкала, да и всего Дальнего Востока — главная ценность в том, что эта огромная

территория может быть резерватом человечества. Заповедником, где сохранится нетронутая промышленностью, теми же железными дорогами, девственная земля, где сохранятся чистые реки, а над ними — чистейший, здоровый воздух. Отравленные смрадом городов, нездоровой питьевой водой своих грязных рек и даже подземных артезианских источников, люди из других, перенаселённых государств будут приезжать сюда, чтобы набраться чистоты и поблагодарить тех, кто сохранил им всё это.

Он помолчал и добавил:

— Не бесплатно, конечно. Хотя можно и просто так поделиться. Слишком много вы имеете необжитой земли.

— А не легче ли им будет прийти сюда с армией? — саркастически произнёс мрачный Будников. — Здесь ведь никого, кроме медведей, они тогда не встретят!

Широков сначала подумал, что молодой чиновник разыгрывает их. Потом вспомнил, что нечто подобное встречал в статьях некоторых иностранных авторов. Они писали, что это ненормально, когда Россия имеет такие огромные незаселённые пространства в то время, как другие народы страдают от тесноты. Выходит, зёрна незаслуженно избыточной земли дают всё больше всходов!

— Вы сказали о людях из перенаселённых государств... Они, конечно, с радостью приедут на наши просторы. Но правильно говорит Сергей Александрович (Широков кивнул на Будникова): сначала придут армии... Туристы — потом. Защищать-то землю некому будет! Когда был Советский Союз, мы занимали третье место в мире по населению: почти триста миллионов человек. И Дальний Восток был больше заселён. Теперь наше место заняли США. Мы скатились на девятое и продолжаем терять людей. Они у нас гибнут в автомобильных авариях, и не сотнями человек — десятками тысяч в год. Сгорают в пожарах. Тонут. Разбиваются вместе с самолётами. Травятся дурной водкой и такими же продуктами. Нигде в мире нет такой убыли населения от подобных противоестественных факторов!

— А кто, кроме вас, виноват в этом?

— Никто. Сами. Какую власть имеем, такие результаты. Но я вернусь к населению. Особенно быстро пустеет Дальний Восток — от севера до юга. А рядом и поблизости разрастаются гиганты. Китай — почти миллиард четыреста миллионов человек. Его вот-вот догонит Индия. У нашей соседки — Японии — 126 миллионов. Немного меньше, чем у нас. А ведь Менделеев на основании переписи 1897 года сделал такой прогноз: население России в её тогдашних границах к 2026 году составит один миллиард 282 миллиона человек.

— Ничего себе! — воскликнул журналист Николай. — Почти как Китай сейчас.

— А в нынешних границах России, — продолжал Широков, — его должно было быть 689 миллионов.

— Тоже немало, — сказал Будников. — Все пустующие земли были бы заняты.

— Дмитрий Сергеич, конечно, большой фантаст, — хмыкнул Метельский. — Брал цифры с потолка.

— Какой Дмитрий Сергеич?

— Ну, Менделеев. Который придумал какую-то таблицу.

В купе переглянулись, а сидящая напротив чиновника женщина местной национальности даже рассмеялась. До этого она не вступала в разговор. Лишь когда московский чиновник назвал столицу республики деревней, нахмурилась и осуждающе покачала головой. На вид ей было лет сорок пять. Смуглая, с несколько широковатым лицом, с чёрными, как у всех людей её народа, глазами, женщина, похоже, была известна всем. Когда телевизионщики ушли и в купе началось движение, черноусый начальник дороги Чемонин, показав ей на крайнее, возле прохода место, с почтением предложил:

— Специальное депутатское. Рядом с Владислав Антонычем. Садитесь, Галина Иннокентьевна.

Теперь, отсмеявшись, она с изумлением глядела на чиновника. А Широков нахмурился и заявил:

— Во-первых, Менделеев — Дмитрий Иванович. Во-вторых, он создал не только таблицу, которой пользуется весь мир и про которую вы, слава Богу, слышали. Дмитрий Иванович был крупнейшим учёным в разных областях науки. Химик. Физик. Экономист. Нефтяник. Создал российский бездымный порох. Изучал воздухоплавание. И, конечно, ничего с потолка не брал. Другое дело, он не мог предугадать Первой мировой войны, нашей революции и гражданской войны, всех перипетий двадцатого века, включая Отечественную войну, ельцинский разгром России. Только за 1990-е годы Россия потеряла 10 миллионов человек! Поэтому нам надо срочно увеличивать население страны. И особенно быстро заселять азиатскую часть: Северо-Восток, Дальний Восток. Европа чахнет, старится, теряет население. Нам надо двигаться на Восток. Будущее — за Азией. Особенно — за близкой к нам. И мы должны стать не бесхозным куском мяса, который кинутся рвать ближние и дальние соседи, а многолюдно заселённой страной.

— Это утопическая задача, — возразил Метельский. — Вам потребуются сотни лет. Лучше оставьте пока ещё здоровую землю будущим поколениям.

— Каким будущим! — вспыхнул Широков. — Вы “мяу” не успеете сказать, как эту землю заселят не будущие, а нынешние поколения! И запомните...

— А если нечем, запишите, — негромко вставил Николай. Метельский недовольно глянул на него, а Широков едва заметно улыбнулся и продолжил:

— Да, запомните: на землю без людей придут люди без земли.

— Любопытно, где вы возьмёте столько народа? Китайцев позовёте?

— Китайцы пусть остаются у себя. Своих надо искать и растить.

— Клонированием, что ли?

— Новой государственной политикой. Она должна быть круто повёрнута на Восток. Тем более, у нас уже был опыт активного заселения Дальнего Востока. Своими людьми. Не чужими.

Он помолчал, отпил, похоже, остывший чай. Отодвинул стакан и заговорил снова:

— Известно, что в западных и центральных губерниях Российской империи крестьяне сильно страдали от малоземелья. С каждым новым поколением семейный надел приходилось делить ещё мельче. Что в этом хорошего? Обиды, ссоры... А в середине XIX века по договорам с Китаем у России появились просторные, безлюдные земли на Дальнем Востоке. Царскую власть после революции только ругали. Но она была не такой дурной, как её представляли. Получив большую территорию, правительство озаботилось, прежде всего, её охраной. По указу Александра Второго из переселённых казаков, бурят и крестьян Забайкалья было создано Уссурийское казачье войско. Всех наделили большими участками земли. Офицерам — от двухсот до четырёхсот десятин. Рядовым казакам — по 30 на каждую душу мужского пола в семье. Сейчас мало кто знает, что такое дореволюционная десятина. А она была больше гектара! И через год на пустынных берегах Амура уже было 67 казачьих станиц, а в Приморье — 23.

— Надо же, — удивился Будников. — Как быстро окопались...

— Но земля закрепляется за государством лишь в том случае, если её заселяют люди этого государства. Царское правительство сообразило, что можно одновременно решать обе задачи: малоземелья и многоземелья. Были приняты и обнародованы льготы для переселенцев на Дальний Восток. Должен вам сказать, большие льготы даже по сегодняшнему времени. Пункт первый. Каждая семья “засельщиков”, так тогда называли переселенцев, получала 100 десятин земли. Напомню: это 109 гектаров. Сравните с тем, что имели крестьяне в местах малоземелья: в среднем две десятины. А тут — в пятьдесят раз больше! Пункт второй. Семья новосёла навсегда освобождалась от подушной подати. Это — самый большой и тяжёлый крестьянский налог — в семьях-то было по многу душ. Пункт третий. Десять лет из этой

семьи никого не забирали в армию. Пункт четвёртый. На двадцать лет семья освобождалась от земельного налога.

— При таких условиях надо бегом бежать на Дальний Восток, — торжественно произнесла Маргарита Сергеевна.

— Это ещё не всё. Каждой семье губернатор обязан был выделить лес на строительство избы, дать лошадь или быка для обработки земли, обеспечить семенами из расчёта на полтора года — вдруг случится неурожай. Наконец, давались подъёмные: 100 рублей на семью.

— Ну и деньги, — хмыкнул Метельский.

— Немаленькие деньги, если учесть тогдашние цены. Я не говорю о продуктах: на них цены были в копейках. Лошадь в Сибири стоила около 40 рублей, корова — меньше 30.

— И всё равно, — засмеялся Широков, — крестьяне везде народ осторожный. В некоторых селеньях решили сначала послать земляков на разведку. А поскольку многие продолжали колебаться — оно ведь как: в своей деревне жизнь хоть скучная, но тут жили деды-прадеды, мы выросли, а там, на этом Дальнем Востоке, как дело обернётся? Стали бросать жребий: кому ехать. Вот так пал жребий на семью моих предков по маминной линии. Три года добирались они на телегах из Полтавской губернии до Приморья. Новое поселенье назвали Хороль — в память о городке Хорол, рядом с которым жили, — он ещё упоминается Гоголем в его “Вечерах на хуторе близ Диканьки”.

— Виталий Владимирович Гоголя, наверно, не знает, — подбросил журналист Николай. Метельский метнул на него злой взгляд.

— Меня учили не забивать голову ненужной информацией.

Его всё больше раздражал этот молодой, почти ровесник, коротко стриженный малый, наглые придирки которого, похоже, нравились всем в купе. Кроме, может, только Широкова, увлечённого своим рассказом.

— Мой прадед Семён Леонтьевич, — продолжал тот, — родился в 1891 году уже на Дальнем Востоке. Так что я, — улыбнулся он, просветлев лицом, — коренной дальневосточник.

— Однако долго добирались, — покачал головой Чемонин. — Что значит, не было никаких дорог.

— Да, долго, — согласился Широков. — Представьте себе этот путь от Полтавы до Владивостока: семь тысяч километров по прямой! Тем не менее, поток переселенцев стал нарастать. Крестьяне оседали в Сибири, добирались, как мои предки, до Приморья. За последние пятнадцать лет XIX века переселилось больше миллиона человек. При этом царское правительство всё время отслеживало процесс. Как только стало больше пароходов, переселенцев повезли во Владивосток на кораблях. А с пуском Транссибирской магистрали новосёлы двинулись по железной дороге. Теперь вместо двух-трёх лет на телегах, двух месяцев на пароходах — всего две-три недели на поезде.

— Ну, это совсем другое дело, — довольно заявил, разглаживая усы, железнодорожный начальник Чемонин, словно именно он недавно отвёз большую партию новосёлов.

— Но не только о скорости переселения подумало правительство, — увлечённо продолжал Широков. — Обратили внимание на перекос в демографии. Выяснили, что на Дальнем Востоке оказалось больше мужчин, чем женщин. И тогда за счёт казны в течение пятнадцати лет стали ускоренно перевозить те семьи, где женщин и девочек было больше, чем мужчин.

— Такой подход вызывает уважение, — одобрила Галина Иннокентьевна. — Действительно, не дураки.

— Ещё бы! — подхватил Широков. — Вдоль Транссиба были созданы, как их тогда называли, “врачебно-продовольственные пункты”. Здесь переселенцы могли бесплатно получить медицинскую помощь, закупить по сниженным ценам продукты. А детей, так же бесплатно, кормили горячей едой.

10

Широков видел, что все слушают с интересом. Похоже, люди мало что знали об этой части российской истории. Даже Метельский, хоть и делал безразличное лицо, уставясь взглядом куда-то выше верхней полки, на самом

деле, судя по ядовитым репликам, внимательно отслеживал, что говорит этот плотный, с крупным, мускулистым лицом немолодой мужчина. Мало того, поскольку Широков говорил громко, а голос его был густой, слушателей привлекалось. Из соседних купе подошли люди, заняли с двух сторон проход. А Широкову только это и было нужно. Он любил видеть перед собой аудиторию, возбуждался, когда были слушатели. Не раз думал: если бы судьба повела его иначе, чем вышло, он стал бы учителем. Причём обязательно учителем истории. Эту вещь — историю — он полюбил с раннего детства и всю жизнь с удовольствием впитывал события разных эпох, дела далёких и близких людей. Вот сейчас он бегло рассказал о важном этапе в истории России. Но пока даже не упомянул значительного участника этого этапа — Петра Аркадьевича Столыпина. Широков не любил его, хмурился, когда кто-нибудь восторгался Столыпиным. Считал вредной ту часть его земельной реформы, которая породила класс кулаков и привела к экономическому расслоению крестьянства. “Мироеды, бедняков душили”. А возражения, что бедняками нередко становились лодыри и пьяницы, сердито отметал. “Общину разрушил, вот и добавилось пьяниц и лодырей”.

Но будучи, как он сам себя считал, человеком объективным, Широков не мог не сказать о том положительном, что принесла земельная реформа любимого им политика.

— Вы поняли, Виталий Владимирович, — учительским тоном спросил он Метельского, — как мы заселяли наши дальневосточные земли в XIX веке? Но самый большой рывок был сделан в начале XX-го. Столыпиным.

Он прошёлся взглядом по сидящим в купе.

— Все, наверно, знают Столыпина?

Одни покивали, другие стали морщить лбы, вспоминая. Только Метельский никак не отреагировал: равнодушно глядел на верхнюю полку.

— Пётр Аркадьевич был губернатором в Гродно, потом в Саратове. А в 1906 году Николай Второй назначил его главой правительства. Премьер-министром. И вот с этого момента начинается его борьба за массовое переселение крестьян в Сибирь и на Дальний Восток.

— А чего бороться-то? — удивился Шаповал. — Ясно, что дело хорошее.

— Противников, Сан Саныч, хватало. Особенно, в тогдашней Государственной Думе. Столыпин планировал переселять людей за счёт государственной казны. А это большие расходы. Многие депутаты были против освоения Дальнего Востока. Говорили: “У матушки России и без него земли хватает. Не нужен нам этот Восток”. Столыпин, который был хорошим оратором, всячески убеждал противников. Однажды, выступая в Думе, сказал. “Наш орёл — орёл двуглавый. Конечно, есть могущественные орлы одноглавые. Но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращённую на Восток, вы не превратите его в сильного одноглавого. Вы заставите его только истечь кровью”.

В купе одобрительно загудели, а Шаповал даже пристукнул кулаком по столу:

— Молодец мужик! Сейчас бы таких.

Широков покосился на него.

— Мужик он был очень деятельный. Смелый был... Взятся за дело круто. Например, правительство увеличило в два раза денежные выплаты: вместо ста рублей — двести. Со временем для Приамурья эти суммы подняли до четырёхсот. Вспомните, сколько стоил главный хозяйственный скот: лошадь и корова — 40 и 30 рублей. По заказу премьера в Твери стали выпускать двухэтажные вагоны для перевозки новосёлов на Дальний Восток. Нижний этаж — для крестьянского инвентаря и скота. Верхний — для людей. Они получили название “столыпинских вагонов”.

Едва услышав эти слова, Метельский мгновенно оживился. Глаза заблестели, как у человека, встретившего что-то знакомое и приятное. Он засмеялся:

— Потом Сталин использовал их для перевозки миллионов заключённых.

— Неправда! — резко отрубил Чемонин. — Просто клевета!

И как бы стесняясь своей резкости, сказал мягче:

— Двухэтажные вагоны очень быстро прекратили делать. Их выпустили немного. Вернулись к ним только через сто лет, в наше время. Первый двухэтажный поезд отправился по маршруту Москва — Адлер в 2013 году. Сейчас таких маршрутов уже несколько. А переселенцев стали возить в вагонах, тоже специально подготовленных. Их назвали “теплушки”. Ехать в них было более или менее удобно. В задней части было отгорожено место для домашнего скота, впереди размещались люди.

Чемонин говорил уверенно, со знанием дела. Журналист Николай не без ехидства спросил Метельского:

— Эта информация тоже относится к разряду ненужных?

Тот, не обращая на него внимания, снова уставился на верхнюю полку.

— Он не виноват, — кивком показал Широков на чиновника с изображением английского флага. — Вопросы к его учителям. А тех учат политики, для которых что царская империя, что Советский Союз, что сегодняшняя Россия лучше бы не существовали. Осталась бы только земля. Пустая земля. Без народа. Но полная богатств. Потому-то, Сан Саньч, — обратился он к Шаповалу, — в той Государственной Думе не все думали о благе России...

— Также, как в нынешней, — проворчал Будников.

— ...и считали: чем тратить деньги на освоение Дальнего Востока, лучше их взять себе.

— Прямо как сегодня, — сказала Маргарита Сергеевна.

— Однако у Столыпина хватало воли и упорства, чтобы продолжать заселение. За короткий срок из центральных и западных губерний переехало больше трёх миллионов человек. Вдумайтесь: больше трёх миллионов! За один 1907 год в Амурскую и Приморскую области переселилось почти столько же народу, сколько за весь XIX век! Теперь вы понимаете, Виталий Владимирович, какой опыт освоения Дальнего Востока мы имели?

— Но при царях было только начало, Владислав Антоныч, — возразил Будников. — Хорошее начало. А самое большое освоение — это в советское время. С пятидесятых годов. Мои родители сюда приехали молодыми. Оба — после института.

— Мои тоже, — вставила Маргарита Сергеевна. — Только позднее.

— Тут, если посмотреть, все, кроме меня и Галины Иннокентьевны, — дети и внуки советских переселенцев, — заявил Широков. — Да, вот ещё Александр Александрович Шаповал к детям и внукам не относится.

— У меня у самого скоро внуки будут, — засмеялся тот. — Я уж скорее к бывшим молодым поселенцам отношусь.

— Сан Саньч когда-то молодым специалистом приехал к нам. Из Астрахани. Лет тридцать назад. Я правильно говорю, Сан Саньч?

— Ну, примерно так.

— А сейчас это — лучший инспектор охраны природы.

Все разом посмотрели на Шаповала, поскольку никто в купе и коридоре, кроме Широкова и Чемонина, его не знал. С интересом повернулась к соседу Маргарита Сергеевна, и даже Метельский скосил глаз в сторону сидящего в углу, возле окна, мужика с усами, тронутыми проседью.

— Молодёжь в основном и ехала. Строить, открывать, осваивать, — снова заговорил Будников. — Вон сколько городов построили на Дальнем Востоке, в нашей Северной Республике. Отсюда мало кто убежал. Наоборот, сюда рвались. Население росло.

— Не то, что сейчас, — с грустью заметил Чемонин. — Пустеют города.

— А всё потому, Василий Петрович, что политика была — удержать людей, — сказал Широков. — Все мы, кроме Николая и Маргариты Сергеевны, помним, какие были льготы. Да я вам скажу хотя бы про себя, — с азартом произнёс он. — Приехал после института из Владивостока в Северную Республику на стройку. Для горно-обогатительного комбината надо было строить жильё. Меня приняли мастером. Оклад — 135 рублей. Такие же были у мастеров где угодно — в Тамбове, Кургане, Пскове — да везде по Союзу. Но тут, благодаря районному коэффициенту, эту зарплату

сразу увеличили в два раза. Я с первого дня стал получать 270 рублей. Кроме того, существовали надбавки. Полгода проработал — базовая зарплата повысилась на 10 процентов. Прошло ещё полгода — опять рост на 10 процентов. И так до 80 процентов. Представьте себе, сколько я стал получать уже через четыре года! Я — пацан — не знал, куда деньги девать. Четыре рубля в месяц за общежитие, продуктов покупать не надо — всё есть в столовой. Уж на что любил читать, книги — и те покупать не нужно: в библиотеках всего полно. Когда после одиннадцати лет работы в строительной отрасли меня переводили в обком партии, я платил взносы с зарплаты в тысячу двести рублей.

— А были и другие льготы, Владислав Антоныч, — снова включился Будников. — Помните, у всех в стране отпуск 24 дня, у нас — плюс 18.

— Помню, конечно. К тому ж — раз в три года — бесплатный проезд к месту отдыха. За три года наберётся больше четырёх месяцев — отдыхать надоест.

— Да и платный проезд, на том же самолёте, сколько стоил? — подал голос стоящий в проходе высокий, седоватый мужчина лет пятидесяти в форме гражданского лётчика. — Ерунду стоил. Большую часть затрат государство брало на себя. У нас самолёты всегда были полные. Было дело: мужики летали из Владика в Ригу пиво пить.

— Зато сейчас надо две месячных зарплаты, чтобы слетать в Москву по срочному делу, — нахмурившись, сказала Маргарита Сергеевна.

— О чём говорить? — возмутился Будников. — У дальневосточников доход был на 30 процентов выше, чем в Центральной России. Сейчас — на столько же меньше. Поэтому и пустеет земля.

— Скажите спасибо китайцам, — усмехнулся Метельский. — Отняли у них землю — теперь даже заселить не можете. Когда-нибудь придётся отдавать.

— Думаю, не придётся, — холодно произнёс Широков. — Эта земля не была их землёй. Севернее Манчжурии китайцы не продвигались. Там была Великая Степь, где обитали воинственные кочевые народы. Не китайцы завоевывали их, а кочевники нападали на Китай. Для чего в глубокой древности, ещё до новой эры, начали строить Великую Китайскую стену? Именно для защиты от кочевников с севера. Но Чингисхан объединил их всех и завоевал Китай. Стена не помогла. С той поры Китай был чаще всего раздроблен и занимался внутренними междоусобицами. А в XIX веке его начали терзать европейцы. В основном — французы и англичане. Они развязали “опиумные” войны, властвовали на южных территориях, подошли к Пекину. Больше того, возникла угроза нападения Англии, Франции и Соединённых Штатов на Китай с северо-востока. Но там левый берег Амура по недавнему Айгунскому договору с Китаем уже занимала Россия. Она могла прикрыть Поднебесную империю с этой стороны. И в 1860 году в Пекине был заключён новый договор, по которому России отходила территория нынешнего Приморского края и прилегающие земли. Надо сказать, земли, практически не занятые никем. Микроскопические племена нивхов, гольдов, нанайцев, орочей и удэгейцев были просто незаметны в гигантских просторах дальневосточной тайги. Китайцы тоже появлялись здесь эпизодически. Их маленькие бригады собирали возле нынешнего Владивостока морскую капусту и отправляли её в Пекин. Там, кстати говоря, правила не китайская, а манчжурская династия.

— А насчёт возврата...

Широков встал, разминаясь, с удовольствием подвигал плечами, взял стакан с холодным чаем. Будников показал проводнице: мол, принесите другой. Но Широков взмахом руки остановил её.

— Вернуть уже не получится. В 1989 году Горбачёв в Пекине встретился с Дэн Сяопином. Дэна называют “отцом современного Китая”. Он затронул договоры с Российской империей, назвал их неравноправными. И тут же заявил: “Будем считать, что я высказался и забыл сказанное. И коснулся этого вопроса, чтобы поставить точку. Пусть ветер сдует эти вопросы. Будем считать, что с прошлым покончено”. Тогда же Дэн Сяопин предложил “закрывать

прошлое, открыть будущее”. Сегодня границы, определённые Айгунским и Пекинским договорами, официально признаны обоими государствами, и ни на один метр нашей территории Китай не претендует.

Метельский пожал плечами.

— Сейчас — может быть. А завтра? Верните вы Китаю эти земли. Видите, как он набирает мощь. Скоро Штаты обгонит. Быстро освоит ваши пустые просторы.

— А вы, господин Метельский, — свирепея, рыкнул Широков, — предложите правительству страны, куда вас перевёз папа, отдать хотя бы Фолклендские острова Аргентине? Не лишат ли вас после этого гражданства?

И, успокаиваясь, продолжил:

— Что до мощи Китая, то лично я, с одной стороны, уважаю его успехи, но с другой — огорчаюсь... Мы могли бы иметь не только эту мощь, а гораздо больше. Когда Советский Союз находился — скажу образно — на двадцать третьей ступеньке двадцатипятиступенчатой лестницы развития — выше были Штаты, то Китай занимал, дай Бог, третью-четвёртую ступеньку.

В этот момент Будников нетерпеливо вскочил и, не обращая ни к кому конкретно, напористо заговорил:

— Сейчас он, конечно, мощный — я про Китай. Но благодаря чему? У них хватило ума сохранить всё лучшее, что было в Советском Союзе. Там однопартийная политическая система. Там все природные ресурсы принадлежат государству.

— А не как у нас — кучке случайных людей, — вставил Николай.

— Там власть страны ведёт её другой дорогой, — сердитым тоном продолжил Будников. — Потому там мощь, а у нас сопли.

Широков с любопытством посмотрел на соседа, усмехнулся:

— А знаете, Сергей Александрыч, во время той встречи Горбачёва и Дэн Сяопина, про которую я говорил, была затронута ещё одна тема. Тема советских и китайских реформ. У нас и у вас, сказал Горбачёв, идут реформы. Только мы начали с политических, а вы — с экономических. Но мы оба придём к одинаковым результатам. Нет, ответил китайский лидер. Мы придём к разным результатам. Так оно и вышло. Не зря, по свидетельству близких Дэн Сяопина, он называл Горбачёва идиотом.

— Его надо судить за развал страны, — сказал из коридора гражданский лётчик. — И рядом нужно было посадить Ельцина. Все опросы показывают, как их ненавидит народ. Но один умер в почёте, другой живёт в своё удовольствие. Не хочет наша власть исполнять волю народа.

— А почему? — спросил Будников. И сам себе ответил: — Потому что она и стала властью благодаря им.

— Как раз при Ельцине оборвалась политика удержания Дальнего Востока, — сказал журналист Николай. — Он даже собрался было отдать Курильские острова Японии. Я читал его пять пунктов. Признать, что у нас есть территориальные проблемы с Японией, убрать с островов всех наших военных, устроить там свободную экономическую зону с приоритетом для японского бизнеса, сделать совместное управление островами и подписать мирный договор.

— Вот этого — отдавать Японии острова — нельзя ни в коем случае, — решительно заявил Широков. — Сейчас наши стратегические подводные лодки могут выходить между островами в открытый океан и дальше — в любую точку. А если острова передать, не только лодки — весь Тихоокеанский флот будет заперт возле материка. Поэтому ни одной скалы нельзя отдавать!

— Тогда острова наши надо массово заселять! — сказал Николай.

— Правильно. Сделать жизнь на них привлекательной. Так же, как на всём Дальнем Востоке. И начинать нужно с условий.

— Вернуть прежние льготы, — подказала Маргарита Сергеевна.

— Нет, — возразил Широков. — Условия предложить намного лучше. Сейчас людям уже мало того, что имели их родители. Нужно такое, что заставит отказаться от Москвы, Питера, других крупных городов и позовёт на Дальний Восток. Бесплатно давать очень комфортное жильё. Снять подоходный налог. На пять лет, а лучше на десять установить безналоговый срок для

малого бизнеса. Строить хорошо оснащённые школы и детские сады. Люди должны иметь прекрасные места досуга и отдыха. — Он обернулся в сторону Маргариты Сергеевны. — За счёт государства вернуть дешёвые билеты на самолёты. Сейчас оставшиеся жители Дальнего Востока бывают в Китае, Южной Корее, в других странах Азии, но только не в центральной части своей страны. А это далеко не безопасно. Возникает психологическая оторванность. Вот почему нужна новая государственная политика в отношении Дальнего Востока, — закончил Широков и, увидев проводницу, показал ей пустой стакан.

11

Разговор в купе смолк. Журналист Николай и Сан Саныч тоже попросили чаю. Остальные сидели задумчивые, каждый в своих мыслях. Вдруг Галина Иннокентьевна повернулась к Широкову:

— Вы правильно сказали, Владислав Антонович, про убыль нашего населения. Бешеное количество аварий на дорогах — нигде такого нет! — чрезвычайные происшествия с гибелью людей... Растёт и естественная смертность. В прошлом году умерло на триста с лишним тысяч больше, чем родилось. Учёные считают, что к середине XXI века нас в России останется всего сто миллионов. Какое уж тут заселение пустеющих территорий? Поэтому я полностью согласна с вами, что нужна новая государственная политика. И не только для Дальнего Востока. Для страны в целом. Политика, где сбережение народа станет не просто лозунгом, а реальным делом. Мы уже стали малонаселённой страной. Людей нам надо! Людей! Много народу. И здесь пора разобраться с абортами.

— Уж не хотите ль вы их снова запретить? — насторожилась Маргарита Сергеевна. Она вспомнила, что именно эта депутатка республиканского парламента не раз выступала по телевидению против абортотв.

— Почему бы и нет? Когда Менделеев...

Галина Иннокентьевна с вызовом посмотрела на Метельского:

— Дмитрий Иванович Менделеев... делал свой прогноз, в Российской империи, как во и всём мире, — я специально подчёркиваю: во всём мире! — аборты были запрещены. Первым, кто в 1920 году сломал этот мировой запрет, стало правительство большевиков.

Широков усмехнулся:

— Это укладывалось в тогдашние понятия о свободе женщины. Семья была признана буржуазным пережитком, значит, подлежала отмене. Всякая революция — это половодье, а бурный поток, сами знаете, несёт не только свежесть. Мусора тоже хватает. Но он поначалу некоторыми воспринимается как нечто естественное и даже прогрессивное. Раз революция, то революция во всём. В том числе в сексе. Свободная женщина теперь имеет право свободно распоряжаться своим телом. Видные деятельницы новой власти Инесса Арманд и Александра Коллонтай всюду провозглашают тезис: получить сексуальное удовольствие должно быть также легко, как выпить стакан воды. Близкий соратник Троцкого Карл Радек становится идеологом общественного движения “Долой стыд!” и возглавляет демонстрацию из десяти тысяч абсолютно голых комсомольцев и комсомолок на Красной площади. Повсюду образуются коммуны, где женщина отдаётся любому, кто её захотел.

— Ужас какой-то! — возмущилась Маргарита Сергеевна.

— Было такое... было, — продолжал Широков. — В атмосфере такой в кавычках “свободы”, подобно взрыву, растут нежелательные беременности. Рождённых детей отдают на воспитание в специальные заведения. Но рождения очень не приветствуются.

Галина Иннокентьевна с изумлением смотрела на Широкова.

— Теперь мне понятно, почему заработали “фабрики детской смерти”, — потрясённо произнесла она. — Количество абортотв лавиной покатилося по стране. С каждым годом больше и больше. В 1935 году их сделали уже почти два миллиона. Такая потеря реального прироста населения встревожила тогдашнее правительство.

— Скажите, Сталина, — с усмешкой бросил Метельский. — Ему нужно было много людей для своих авантюрных замыслов.

— Не трогайте, чего не понимаете! — грубо оборвал его Будников. За детский таким отношением к своему важному гостю Чемонин смутился и поглядел на депутатку: как отреагирует она. Но Галина Иннокентьевна, даже не обратив внимания на Метельского, продолжала:

— И тогда в следующем году был принят закон о запрете детоубийства. Она помолчала, улыбнулась.

— Эффект поразил всех. Уже через год родилось на миллион двести тысяч детей больше.

Маргарита Сергеевна слушала соседку хмуро. Однако её молодой коллега глядел на депутатку с уважением. Он никогда не касался такой темы и поэтому был сильно удивлён.

— При этом запрет подкрепили не только уголовными наказаниями: за аборт без медицинских и юридических разрешений, за неуплату алиментов. Стали строиться новые родильные дома, ясли, детсады, многодетные семьи начали получать пособия. А через несколько лет, когда ещё шла война, в 1944 году, появились награды за материнство. Орден “Мать-героиня”, медаль “Материнская слава”.

— Кстати говоря, — заметил Широков, — гитлеровцы на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии сразу разрешили аборт.

— Да, я читала один фашистский документ. Там говорилось, что немцы должны использовать все средства пропаганды для внушения русским мысли о вредности иметь несколько детей. Деньги, которые, мол, потребуются на детей, лучше тратить на покупку хороших вещей.

Галина Иннокентьевна умолкла и задумалась. Молчали и остальные. Только был слышен стук колёс да голоса разговаривающих в соседних купе пассажиров.

— Но ведь запрет отменили давно, — первой прервала молчание Маргарита Сергеевна. — Ещё в советское время.

— Да, в 1955 году. При Хрущёве.

— А вы знаете, Галина Иннокентьевна, как это случилось? — спросил Широков.

— Захотели дамы свободы.

— Не дамы. Некоторые мужчины. В июле 55-го в Женеве проходила встреча руководителей четырёх государств: Англии, Франции, США и Советского Союза. От нас был Хрущёв. Американский президент Эйзенхауэр, выступая, в том числе, от имени двоих своих западных союзников, сказал: если Советский Союз хочет снять напряжённость в отношениях, он должен выполнить три условия: значительно сократить вооружённые силы, осудить деятельность Сталина и разрешить аборт.

— А что, у них они были свободны? — спросила Маргарита Сергеевна.

— Нет, конечно. У них они ещё долго были под запретом. Но от нас потребовали. Хрущёв согласился на все три условия и стал их поспешно выполнять. Уже осенью того года армия была сокращена на 640 тысяч человек, потом ещё и ещё: всего оказалось выброшено в никуда больше двух миллионов военнослужащих. При том, что ни одна другая страна не сокращала свои вооружённые силы. Заодно ликвидировали новейшие корабли, перспективные самолёты, закрыли военные базы за рубежом. Тогда же Хрущёв начал готовиться к разоблачению культа личности Сталина — доклад об этом он сделал в феврале следующего, 1956-го, на XX съезде партии. А в ноябре 1955 года вышел указ “Об отмене запрещения абортов”.

— Оказывается, нас заставили! — воскликнула депутатка. — И что мы получили? Опять взрывной рост абортов! В 1964 году он достиг пика. Тогда только в Российской Федерации их было сделано пять с половиной миллионов! Сто детей рождалось, 250 убивалось!

— Это же страшные цифры! — поразился журналист Николай.

— Ещё какие страшные, — согласилась Галина Иннокентьевна. — С 1955 года по сегодняшний день мы потеряли только от абортов 220 миллионов человек.

— А Соединённые Штаты отменили запрет лишь через восемнадцать лет, — сказал Широков. — Да и сейчас они там не везде разрешены. Недавно пять штатов приняли законы о полном запрете абортот. На очереди другие, потому что в 29 штатах уже действуют разные ограничения.

— Смотри-ка, тоже борются за рост населения, — с иронией заметил Будников.

— Скорее, это настойчивая работа религиозных организаций, — сказал Широков. — Ни одна религия мира не разрешает аборты, если не было изнасилования, нет угрозы здоровью матери или ребёнка.

— Но неужели нельзя добиться роста населения без запрета абортов? — воскликнула Маргарита Сергеевна, с неприязнью глядя на депутатку. — Создать прекрасные условия, о которых говорил Владислав Антонович, экономически поддерживать семьи и тем самым стимулировать рождение детей.

— В европейских странах условия жизни куда лучше наших, — заметила Галина Иннокентьевна, — но что-то не растёт там население. А всё потому, что аборт сделать — пара пустяков. Вот вы как живёте — бедно или в недостатке?

— Ну, не бедно, конечно. Скорее — в недостатке.

— А сколько у вас детей?

Маргарита Сергеевна замялась:

— Один. Сын.

— Видите, вы даже не заместили себя и мужа. Сейчас любого в купе спросить — у каждого, если лучше картина, то не намного. Про семью Владислава Антоновича мы знаем, всё же — президент был.

— У меня две дочери, — сказал Широков.

— А у Сергея Александровича?

— Один, — смутился Будников.

Начальник дороги Чемонин, не дожидаясь, когда его спросит депутатка, сам ответил:

— У нас — двое.

— У меня тоже пара сыновей, — объявил Шаповал.

— А сколько у вас, у самой-то? — нелюбезно спросила Маргарита Сергеевна.

— Трое. Мы план выполнили. Едва-едва, конечно. А вот там, где аборты запрещены, там — перевыполнение. Вы знаете, что ислам не разрешает аборты? Спросите узбека или таджика, сколько у него детей? Пять, шесть, а то и семь.

— Убыль населения не раз становилась одной из важных причин исчезновения государств, — сказал Широков. — Почему погибла Римская империя? Было самое великое государство не только древнего мира, но и всего человечества? Исчезло... Историки называют разные причины. Всё более слабыми становились императоры. Не придавали значения укреплению армии. Пропадал дух общегосударственного патриотизма, потому что в провинциях у власти становились люди из присоединённых народов, не разделяющих ценности коренных граждан империи. Но я вам скажу другое — и это тоже называют историки. Убыль населения. Говоря по-научному: депопуляция. То же, что происходит сегодня у нас. Власти Римской империи понимали опасность этого процесса. По краям государства, особенно на территории нынешней Европы, разрастались многочисленные орды варваров, а граждане Рима всё чаще не хотели иметь детей. И первый император Рима Октавиан Август в 18-17 годах до новой эры издал несколько законов. Один из них прямо устанавливал ответственность за безбрачие и бездетность. Если мужчина в возрасте от 25 до 60 лет или женщина от 20 до 50-ти не находились в браке или не имели детей, они наказывались материально. Неженатые и незамужние не могли получить никакого имущества по завещанию. А кто был в браке, но не имел детей, мог рассчитывать только на половину завещанного. Всё, что отнималось, переходило в казну для поощрения законопослушных граждан. Те, у кого было трое или больше детей, получали различные льготы, их поддерживали материально. Холостяков же не только облагали очень большим налогом. Им запрещали посещать массовые

зрелища. А тогда это было ещё какое наказание! Помните знаменитое выражение: “Хлеба и зрелищ”? Оно ведь родилось в Риме. Не обходил закон вдов и разведённых женщин. Первые должны были выйти замуж не позднее двух лет, вторые — за полтора года.

— Однако сурово, — покачал головой Чемонин.

— Обстановка требовала. Но не все это понимали. Особенно были недовольны представители римской элиты — так называемые всадники. Во время триумфальных игр они громко требовали отменить этот закон. Тогда Октавиан Август собрал в разных частях форума женатых и неженатых всадников. Первых оказалось намного меньше. Он поблагодарил их, сказал о большой роли в укреплении могущества Рима. Потом перешёл к неженатым. Я, может быть, передам не всё точно, но, — посмотрел на Чемонина, улыбнулся, — однако, попробую. Император спросил: “Как мне вас называть? Мужчинами? Вы ещё не доказали право на такое имя. Гражданами? По вашей вине государство гибнет. Римлянами? Вы делаете всё возможное, чтобы само это имя исчезло”. И закончил словами: “Вы не такие затворники, чтобы жить без женщин. Никто из вас не ест и не спит в одиночку. Всё, чего вы желаете, — свободы для чувственных удовольствий...”

— Как это правильно! — поразилась Галина Иннокентьевна. Маргарита Сергеевна полыхнула на соседку сердитым взглядом.

— Но ведь это когда было, Владислав Антоныч, — едва сдерживая себя, выговорила она. — До новой эры!

— Как видите, мало что изменилось.

“Сколько ж он всего знает!” — снова, как тогда на острове, поразился Шаповал. В тот раз они сидели вчетвером: Широков, генерал Трошев, Шаповал и егерь Иван в летней кухне Сан Саныча. Ели уху из головы свежего, утром пойманного ленка и двух осетровых голов — осетры попались ночью на донку. Сначала обсуждали рыбалку, потом перешли на Чечню. Тут уж говорил генерал. Остальные, особенно Шаповал и егерь, держали уши локаторами. Генерал много рассказывал такого, что нигде не показывали и про что не писали. Особенно о страданиях русских жителей, брошенных Ельциным на произвол судьбы.

Широков тоже вставлял любопытные замечания о горцах, о нравах чеченцев и осетин. Вскоре он как-то незаметно захватил разговор и, цепляя одно за другое, стал рассказывать о не известных не только Шаповалу с егерем, но и генералу фактах из далёкой истории. О той самой Великой Степи, про которую упоминал сейчас в вагоне, о её роли в зарождении большой кочевой цивилизации. О Чингисхане и его мести манчжурам за свой десятилетний плен у них. Широков рассказывал о киданях и чжурчженях — народах, про которые не только Сан Саныч, но и Трошев не слышал. А именно у них, по словам Широкова, монголы переняли организацию своего войска, боевую тактику и оружие. Монгольский лук был настолько мощным, что стрелял на 320 метров. Тяжёлые стрелы убивали коней и пробивали любую защиту воинов противника. За одну минуту каждый всадник выпускал до 12 стрел. Благодаря этому монголы уже в начале боя заливали отряды врагов ливнем стрел.

Слушая тогда Широкова, Сан Саныч думал, что тот почему-то хорошо знает только эту историю. Может, время нравится или бывал в той самой Великой Степи. Но когда он заговорил о теории какого-то биохимика, по-новому открывающего историю человечества, о его ДНК-генеалогии происхождения славян, Шаповал даже подрастерялся. Толком из рассказа Широкова он ничего не разобрал, но что уяснил определённо — это поразительное его многознание. Широков говорил интересно, с каким-то даже азартом, с лёгкостью выдавая цифры, термины и названия, нисколько не напрягаясь, в отличие от некоторых знакомых Шаповала, которые тужились вспомнить даже простую информацию.

Удивлённый рассказами Широкова, Шаповал в тот раз выбрал мгновение и, немного смущаясь, спросил:

— Откуда вы всё это знаете, Владислав Антоныч?

— Читал, Сан Саныч. И сейчас люблю читать. А к истории меня побуждал прадед — Семён Леонтыч. Я его звал, конечно, деда. До шестого класса

я жил в деревне. Маманя — геолог, отец — моряк, подводник. Кому со мной заниматься? Вот и жил с дедами и бабушками. Мои обязанности были простые: выгрести золу из печек — их у нас три было, — принести дров, угля. А вечером — закрыть везде ставни. Спать ложился с прадедом возле печки: пристройка там была — тёплая! И вот он начинает мне рассказывать... Про белых и красных... Про китайцев — жили мы недалеко от границы. Про семьи соседские: кто, когда, откуда переехал. Мне интересно — я ж этих людей видел, но не знал их истории...

Теперь, в вагоне первого пассажирского поезда, Шаповал не удивлялся рассказам Широкова. Слушал с большим интересом. И с нарастающей тревогой. Особенно, когда говорили про убыль народа. Он убыль эту видел своими глазами. Посёлок, где жила семья, почти опустел. У людей ни работы, ни денег. Что ж там думает власть в Москве? Или ей не нужен Дальний Восток? Не нужна вот эта земля Северной Республики, по которой сейчас идёт пассажирский поезд?..

Шаповал, сидевший возле окна, с беспокойством слушал жутковатый разговор соседей. Раньше он, как многие мужчины, никогда не задумывался о такой деликатной теме, как аборт. Ну, сходит женщина, когда ей надо, и делов-то. А выходила такая трагедия для страны!

За окном, метрах в пятидесяти от линии, проплывала тайга. Простучал под колёсами мост через довольно широкую реку. Дорога вышла на большую дугу. И в то время, когда дуга заканчивалась, Сан Саныч вдруг увидел впереди какие-то постройки. Их было немного, но все украшены флагами и воздушными шарами.

— Станция! — воскликнул он.

В вагоне засуетились, московский чиновник Метельский встал и с удовольствием потянулся.

На станции тоже прошёл небольшой митинг. С пассажирами поезда и откуда-то появившимися местными людьми набралось человек триста. Выступил Широков. Его приветствовали бурно — особенно местные жители. Об открытии регулярного пассажирского сообщения рассказал начальник дороги черноусый Чемонин. Хлопали ветерану строительства в звенящем от медалей пиджаке. После чего поезд опять тронулся на север.

12

Размявшись и отходя от возбуждения, пассажиры первого вагона стали занимать каждый своё прежнее место. Едва все в купе расселись, начальник дороги Чемонин заботливо предложил Метельскому:

— Ещё чайку, Виталий Владимирович? Молодой человек, — кивнул он на журналиста Николая, — уступит вам место за столиком.

Метельский отрицательно покачал головой. Он не мог понять той радости, с какой люди глядели на пассажирские вагоны, поздравляли друг друга, фотографировались на мобильные телефоны возле ступенек. Зачем она им тут нужна — эта железная дорога? И никогда Россия не освоит гигантские, пустые пространства, не заселит их. Будет, как собака на сене: и сам не гам, и другим не дам, думал он.

— А на этой станции поезд будет останавливаться? — спросил Шаповал Чемонина.

— Конечно.

— Ну и зачем? — пожал плечами Метельский. — Здесь от разъезда до разъезда сорок километров. Людей нет — одни волки. Путевому обходчику без ружья в сортир нельзя выходить. Зачем вообще нужна эта дорога? Понимаю: соединяла бы большие города. А то — безвестные станции и посёлки в три избы.

— Большие города как раз начинаются с маленьких станций, — холодно произнёс Широков. Он сдвинул угловатые брови, из-за чего между ними встала суровая вертикальная складка. Крупное лицо его закаменело. Ему был понятен этот чиновник с английским флагом на груди. Убеждать надо было не его. Своих. Особенно в Москве, в федеральной власти. Там немало

людей, которые так же, как папаша Метельского, думают о России, как о колонии, где можно набраться опыта и капиталов. А как им ещё думать, если их семьи, дома, курортные виллы, яхты и самолёты находятся за рубежом, сами они имеют тамошнее гражданство, принимая которое дают клятву в первую очередь служить новой своей родине, а ту, где родились, выросли и работают, можно по первому требованию зарубежных властей предать.

— Вы знаете, господин Метельский, сколько больших городов в мире возникло благодаря железной дороге? Сотни. В том числе у нас. Один из впечатляющих примеров — Новосибирск. Сейчас в нём миллион шестьсот тысяч жителей. Третий по населению в России после Москвы и Питера. А начался он с маленького села Кривощёково и станции Обь из двух домов. Когда Транссибирская магистраль подошла к реке Обь, нужно было строить мост. Я смотрел альбом, изданный через двадцать лет после этого, в 1913 году. В нём написано, что на том месте, где сейчас большой город, а уже тогда он был большим, двадцать лет назад рос сосновый бор. Глухой лес был! И, наверно, поблизости волки ходили. Теперь Новосибирск считается столицей Сибири. Там прекрасная наука, мощная промышленность, высокая культура... А началось с того, что в глухое место пришла железная дорога.

— Не зря говорят: Америку сделали железные дороги, — вставил Чемонин. Он был согласен с Широковым, когда тот резко осаживал Метельского. Но ведь лондонский человек был чиновником российского министерства, имеющего отношение к работе самого Чемонина, а рассердить московского посланца начальнику дороги не хотелось. Поэтому он постарался поддерживать Широкова как можно нейтральней.

— Железные дороги нужны любой стране. Кто ж с этим спорит?

— Есть такие, — рыкнул тот. — А нам они нужны особенно. И с оборонной, и с экономической точек зрения. Вы же сами говорите, — недобро поглядел на Метельского, — о больших незаселённых наших пространствах. Мы их должны заселить и сделать процветающими. А одно из главных условий — это построить железные и автомобильные дороги. Без них не будет никакого развития. Больше того, я вам скажу так: страна без дорог — это чужая земля. Её трудно защитить. Наша история даёт примеры. Почему Россия проиграла Крымскую войну? Не только потому, что у любимых вами англичан и французов было лучше вооружение. Железных дорог не было! Существовала единственная: Москва — Петербург. А в Крым надо было доставлять войска, боеприпасы. Способ один: пешком и на телегах. Всё вязло в раскисшем чернозёме, растягивалось на месяцы, когда нужны были дни. Или русско-японская война 1905 года. Тоже ведь не в последнюю очередь сказались отсутствие нормальных путей подвоза.

Широков повернулся на боковом сиденье так, чтобы говорить всем в купе.

— Мы развивали западную часть страны. Там — довольно густая сеть железных дорог, там — морские порты. Но началась Первая мировая война, немцы заблокировали балтийские порты, турки — проливы, и наши союзники не могли нам ничего доставить. Пришлось в разгар войны срочно строить железную дорогу на Мурман и создавать там порт. Благодаря Гольфстриму он оказался незамерзающим. Мы с гордостью говорили: страна имеет выход к четырнадцати морям и трём океанам. На западе, через Балтику — в Атлантический. На севере — в Ледовитый. На востоке — в Тихий океан. Но началась Отечественная война, и единственным портом, работающим круглый год, стал мурманский. Туда шли морские конвои союзников, везли вооружение, военную технику, продукты. А по железной дороге всё увозилось на фронт, вглубь страны. Во время войны начали строить новый порт в Петропавловске-Камчатском. Условия — отличные! Незамерзающий, с выходом в Тихий океан. Самый бы удобный для доставки грузов из США по ленд-лизу. Американцы поставляли нам самолёты, грузовики-вездеходы “студебеккер”, мощные тракторы для перевозок тяжёлых орудий и много чего другого. Но всё это шло иными путями. Морскими конвоями в Мурманск и летом в Архангельск; “студебекеры” — своим ходом через Иран; самолёты, тоже своим ходом, с Аляски через весь Северо-Восток, через Сибирь на

Транссиб. Сколько на этом трудном, необустроенном пути разбилось нужных фронту истребителей, сколько погибло лётчиков — не одну эскадрилью можно было создать. А порт в Петропавловске-Камчатском на фронт, по сути дела, не работал. Что туда доставишь, всё там и останется. Железнодорожной связи Камчатки со всей страной не было.

— Так же, как сейчас, — опять вставил Чемонин.

— Вот именно! Что сегодня связывает запад и восток России? Единственная ниточка Транссибирской магистрали. Да и та проходит возле самой границы с Китаем.

— А теперь и по территории независимого Казахстана, — сказал Чемонин.

— Но ведь есть ещё БАМ, — заметил журналист Николай.

— Да, в какой-то мере и БАМ, — согласился Широков. — Начинается он, слава Богу, гораздо севернее Транссиба. Но заканчивается-то где? В Иркутской области! Здесь соединяется с Транссибом. Не доходит даже до середины страны. И хотя рядом с Транссибом идёт автодорога Москва — Владивосток, надежд на неё не очень много. Недавно случилось наводнение. Небольшая по сибирским меркам речушка разрушила автомобильный мост. И всё! Страна надолго оказалась разорвана на две части. Я видел по телевизору: стоит на одном берегу женщина, интеллигентная такая женщина, и смотрит на другой берег. Камера показывает её лицо, и на нём такое недоумение, такая печаль! Вот она — жизнь! Надо на другой берег — а никак нельзя. А если будет разрушен железнодорожный мост в Тайшете, где сходятся Транссиб и БАМ? Огромные пространства от Урала до Тихого океана, по сути дела, не связаны с остальной Россией. Я уже говорил, что многие дальневосточники никогда — вы понимаете? Никогда! — не были в Москве, в других городах центральной части. Для них доступней Китай, Япония, Южная Корея. Вот так созревает сначала психологический, а потом и территориальный разрыв.

Расстроенный Широков отвернулся к окну. Некоторое время молча смотрел на сливающуюся в зелёную стену тайгу. Судя по выражению лица, думал о чём-то не очень приятном. Наконец, не выдержав, снова заговорил:

— Вот господин Метельский собирается доложить своему начальству, что дорога эта не нужна. А я везде говорю, пишу везде прямо противоположное. Эта дорога не просто нужна республике. Она остро необходима стране нашей — России. И нужна как часть опорного железнодорожного каркаса Сибири и Дальнего Востока. Роль этого каркаса, как роль скелета для человека, — держать жизнь. А основой его должны стать три параллельных высокоскоростных магистрали, идущие от европейской части к Тихому океану. Какие это магистрали? Самая южная — Транссибирская. Затем — Северо-Сибирская. И вдоль Ледовитого океана — Трансарктическая. Некоторые из них почти полностью или частично существуют. Их нужно обновить и достроить. Даже давно действующая — Транссибирская — требует серьёзной реконструкции, чтобы стать скоростной на всём её огромном протяжении — она ведь самая длинная на планете. Кроме того, надо построить обвод участка, где дорога проходит по Казахстану. Северо-Сибирская магистраль тоже частично существует. Основа её — БАМ. Только его нынешний западный конец, как когда-то было задумано, надо продлить до Урала. А на востоке перебросить дорогу через Татарский пролив на остров Сахалин. Мосты мы, слава Богу, умеем строить, да и для тоннеля расстояние не слишком большое. Ла-Манш между Англией и Францией — 39 километров. Тем не менее, там есть тоннель, и по нему мчатся поезда. А Татарский пролив в самом узком месте — меньше 8 километров. Наконец, третья составляющая железнодорожного каркаса Сибири и Дальнего Востока — Трансарктическая магистраль. Она должна идти от Мурманска на западе до чукотского Анадыря на востоке. Примерно вдоль Ледовитого океана. Она тоже частично есть. Молодёжь может и не знать, а мы-то с вами (Широков с улыбкой поглядел на Будникова и Чемонина) наверняка слышали песню зековской поры: “По тундре, по железной дороге, // где мчится поезд Воркута — Ленинград...” Это как раз про Трансарктическую, вернее, про её часть.

К удивлению Шаповала, оказалось, что фрагменты возможной Трансарктической магистрали тоже существовали. Только, в отличие от двух других дорог, небольшие. Затевали при Сталине построить почти всю, но Хрущёв перечеркнул разные сталинские начинания. Уже построенная железная дорога в Арктике была заброшена и за десятилетия развалилась.

Слушая Широкова, Сан Саныч сначала представил карту России, затем бескрайнюю, ровную, как стол, тундру, которую не раз видел в молодости, когда доплывал по Большой реке с рыболовецкими бригадами до Ледовитого океана и, наконец, несущийся по ней поезд. Он даже закрыл глаза, чтобы лучше видеть эту красивую картину. Локомотив, как большой, голубой снаряд, вагоны — округлые, синие, и весенняя тундра — вся зелёная, в красных, жёлтых, белых цветах.

Но это видение вдруг разорвал громкий, насмешливый голос Метельского:

— И что вы собираетесь возить по этой магистрали? Льды с Северного океана? Зачем она вообще нужна?

— Возить уже сейчас есть что, — спокойно сказал Широков. — Причём, немало. В Арктике открыты большие запасы нефти и газа. Добывается платина, никель, серебро, медь, кобальт. В арктической зоне Северной республики — алмазы, золото, редкоземельные металлы. На Чукотке — нефть, газ, золото, олово, серебро, цинк, свинец, ртуть, радиоактивные металлы. В Магаданской области — отличный уголь — 100 миллионов тонн готовы для добычи открытым способом. Опять же — золото: Колыма занимает третье место в России по его добыче.

— Населения у вас там никакого нет. Обходчиками будут белые медведи. Если даже постройте, поезда пустые пойдут. Как на БАМе.

— Это на БАМе пустые? — взвился деликатный до того Чемонин. Он с удивлением посмотрел на московского чиновника: что ж это за человека прислали на такое событие?

— БАМ работает сегодня на пределе своих пропускных возможностей. Его надо срочно расширять. А вы, — Чемонин укоризненно покачал головой, — говорите о пустых поездах. Какие пустые? Переполненные!

— Он, наверно, из гайдаровской школы, — брезгливо произнёс Будников. — Тот везде объявлял, что проект строительства БАМа — экономически бессмысленный, что никто не задумался: а зачем мы строим эту дорогу, что собираемся по ней возить и в какую сторону? Однако время показало, кто оказался прав: экономический недоучка или люди, глядевшие далеко вперёд.

— Вот такие неизвестно откуда взявшиеся “вожди” определяли, куда стране идти, — с горечью заметил Широков. — Тот же Гайдар требовал ликвидировать всю промышленность на Севере, города бросить, а людей отселить в центральную Россию. “Золото, — говорил, — если понадобится, купим на Лондонской бирже”.

— Правильно предлагал, — одобрил Метельский. — Где дешевле добывать золото: в тёплом климате или из вашей вечной мерзлоты?

— Да, у нас страна особая, — сказал Широков. — Шестьдесят пять процентов территории находится в зоне вечной мерзлоты. Теперь нам что же, бросить её? Отдать землю с несметными богатствами, которых хватит на многие столетия, любым желающим? Или, как вы предлагаете, оставить для будущих поколений? А точнее, для сегодняшних стратегических конкурентов? Да за неё, в случае чего, драться надо! И осваивать, осваивать!

— Не знал, что ваша страна на две трети состоит из вечной мерзлоты, — поразился Метельский. — Но ведь это не только трудно, это экономически невыгодно — строить дороги по вечной мерзлоте!

— Об экономической стороне дела я вам сказал, — заговорил Широков. — Трудности — да: присутствуют. Это, будем говорить, не на равнинах Южной Европы строить. Но у нашей страны есть огромный опыт строительства не только крупных промышленных объектов, а даже больших городов на вечной мерзлоте. Однако дело не только в этом. Вы знаете, что Китай построил железную дорогу в Тибет?

Метельский пожал плечами, и было непонятно: знает он об этом или нет.

— Она работает уже несколько лет и продолжает восхищать всех. Магистраль длиной 1142 километра является самой высокогорной в мире. Я вам назову только несколько деталей этого железнодорожного шедевра. Основная часть дороги проходит на высоте свыше четырёх тысяч метров над уровнем моря. Почти половина всего пути идёт в зоне вечной мерзлоты. Верхний слой её, как известно, даже в короткий тёплый период, оттаивает. Если не использовать специальных технологий, могут быть проблемы. Но китайские инженеры и строители, используя в том числе и наш опыт, сделали магистраль абсолютно не зависимой от капризов вечной мерзлоты. Так же, как от других сложностей высокогорья. Здесь кислорода для дыхания — 30–40 процентов от той нормы, к которой привыкли все люди Земли. Поэтому вагоны герметично закупорены и атмосферное давление в них такое же, как на уровне моря. Но чтобы пассажиров совсем избавить от возможных неудобств, к каждому месту подведены трубки, подающие кислород.

— А как же там работают железнодорожники — все эти стрелочники, обходчики? — удивился журналист Николай.

— Их там нет. Всё управление дорогой автоматическое. Издалека. И большинство станций — 38 из 45 — тоже автоматические. Здесь проложен самый высокогорный в мире тоннель — на высоте 4900 метров от уровня моря. Ещё выше построена самая высокогорная станция. Она находится на высоте 5068 метров — всего на четыре метра ниже высочайшей точки всей магистрали. Хотя никаких населённых пунктов нет не только поблизости, но даже на большом расстоянии, тут построен крупный вокзал. Я думаю, это на будущее. Сейчас здесь разъезд, поезда останавливаются, чтобы туристы, а их уже сотни тысяч, могли увидеть неповторимые картины. Окружающие станции горы кажутся всего лишь холмами, хотя в действительности они по пять тысяч метров высотой. В сутки здесь, не считая грузовых, проходит по восемь пар пассажирских поездов. Они идут со скоростью 120 километров в час и только в зонах вечной мерзлоты немного её снижают. Тибет получил мощный импульс для экономического развития. Но не только для привлечения туристов и преобразования труднодоступной территории были потрачены пять лет времени и три с половиной миллиарда долларов на строительство магистрали. За Тибет много десятилетий идёт спор между Индией и Китаем. Те и другие пытаются доказать, что это их страна. Но я вам недавно говорил, какое значение имеют транспортные пути для обладания той или иной территорией. Напомню ещё раз. Страна без дорог — чужая земля. Китайцы доказали это на практике. Теперь самый удалённый, оторванный от всей страны Тибет стал неотделимой частью Китая.

13

Широков немного помолчал и убеждённо заговорил снова:

— Это полностью относится и к нам. Там один регион, а у нас полстраны едва пришито. Вы спросили, для чего нам нужна Трансарктическая магистраль. Про экономическую необходимость я вам сказал. Но есть ещё оборонный аспект. Когда шла “холодная война” между Штатами и Советским Союзом, они на Аляске, мы — на Чукотке держали ракетные и противоракетные силы. Было укреплено и российское побережье Северного Ледовитого океана. Вы, наверно, не знаете... хотя, — Широков внимательно посмотрел на Метельского, — ещё не известно, что вы знаете... Но на всякий случай скажу общеизвестное: самое короткое расстояние для ракетно-ядерного удара с той стороны — это через Северный полюс. Подлётное время до Москвы — семь минут. Когда развалили Советский Союз, стали успешно разрушать и оборонную линию в Арктике. Нашу, будем говорить, линию. Американцы, наоборот, только укрепляли и совершенствовали свои наступательные силы. Недавно американская подводная лодка с ядерными ракетами пробила лёд и всплыла почти в российских территориальных водах. Как вам это нравится?

— Ему-то понравится, — скосил глаз на Метельского Будников. — Что англичанину хорошо, то русскому плохо.

Однако Широков, не обращая внимания на реплику, продолжал:

— Сейчас мы восстанавливаем оборону в Арктике. Но ещё много требуется сделать, чтобы защитить Россию с этой стороны. Использовать придётся все возможности. В том числе — Трансарктическую магистраль. Соединив её поперечными линиями с остальными двумя продольными дорогами, мы получим железнодорожную сетку, которая накроет всю зауральскую Россию до Тихого океана и от границы с Китаем до Северного Ледовитого океана.

— Такие сетки, — заметил Чемонин, — сейчас активно строят в Китае.

— Такие, да не такие, — перебил его Будников. — Китай, где совсем недавно были только традиционные железные дороги, вроде наших, сегодня — мировой лидер в строительстве скоростных и сверхскоростных магистралей. По ним несутся поезда со скоростью до 350 километров в час. Там теперь всё больше пассажиров отказываются от самолётов в пользу железных дорог. Быстро, удобно и намного дешевле...

— А у нас как? — заинтересовался журналист Николай.

— Спроси вон у специалиста, — кивнул Будников на Чемонина.

— У нас есть единственная дорога, которую можно условно назвать скоростной. Условно потому, что её не строили заново, как в Китае, а переделывали. Между Москвой и Петербургом. Двести пятьдесят километров в час. Вся остальная Россия едет на самых скорых — примерно по восемьдесят километров в час, на пассажирских — пятьдесят километров... Про грузовые вообще не говорю: 17 километров... И ничего больше не строится...

— А в Китае, — снова энергично вступил строитель дорог Будников, — только за последние две пятилетки — там, кстати, переняли советское планирование — сдали почти 30 тысяч километров скоростных и сверхскоростных магистралей. Много это или мало? Судите сами. Теперь их там больше, чем во всех странах мира, вместе взятых! Обогнали весь мир! Уверен, что Китай и по другим показателям скоро станет первой державой. В отличие от нас...

Он помолчал и мрачно добавил:

— Всё потому, что там во власти много стратегов, а у нас — воров.

— Ой-ё-ёй, какая смелость! — с насмешкой воскликнул Метельский. — Забыли, что у вас появился закон о наказаниях за оскорбление власти? Вот вы, — чиновник в упор поглядел на Будникова, — готовый кандидат.

Он уже явно невзлюбил этого мрачного мужчину так же, как молодого журналиста, и потому был рад хоть чем-то уколоть его. Будников сердито нахмурился, длинное, вытянутое книзу лицо его напряглось. Он открыл было рот, чтобы осадить Метельского, но в этот момент раздался снисходительный голос Широкова:

— Кто рос в чужой стране, может не знать, что по нашей Конституции главной властью в России является её народ. Только он выбирает и назначает тех, кто будет руководить от его имени. То есть передаёт им свои властные полномочия на время.

— А некоторые полагают, что навсегда, — усмехнулся журналист Николай. — До самой их смерти. Как царям или бывшим генсекам.

— Некоторые — да, — согласился Широков. — Однако большинство как раз соображают, что они временные. Только одна часть их старается сделать что-то полезное для людей, а другая — причём немаленькая — часть стремится использовать временно полученную власть не для блага страны, не для какого-то там народа, а для себя лично. Воровство и коррупция изъели властную вертикаль местами до трухи, грызут её, как термиты, которые способны уничтожить здоровый дом за короткое время.

— Абсолютно верно, — поддержал Будников. — Воруют министры и их заместители. Воруют губернаторы и их подчинённые. Воруют главы городов, чиновники всех уровней власти. Я даже не могу назвать какую-то область нашей жизни, где бы не воровали. Думал, хоть в ФСБ нет такой заразы. Горячее сердце, чистые руки... Оказалось, и там она есть. Арестовали генералов и полковников.

— Но ведь арестовали! — вспыхнула Галина Иннокентьевна. — В той же ФСБ — тысячи, может, десятки тысяч сотрудников, а воров — единицы. В других местах — так же. Арестовывают преступников, но их

меньшинство, где хотите — меньшинство: среди министров, губернаторов — да везде. Было бы много — сотнями брали бы.

— Сети дырявые, — брякнул Шаповал.

— Или берут совсем обнаглевших, — сказал Чемонин.

— Скорее, не из своего клана, — уточнила Маргарита Сергеевна. — Вспомните шайку под крылом бывшего министра обороны. Народ клокотал от наглости этой группировки, но всё спустили на тормозах.

— Да, это было что-то невероятное, — неохотно согласилась Галина Иннокентьевна. — Думали: уйдёт Ельцин, с ним уйдут грабители. Он ушёл, но появились новые.

Когда-то она тоже вместе со многими до сердцебиения возмущалась ходом следствия и наказанием этой, как сказала её соседка, “шайки”. Главной воровкой была, по словам журналистов, любовница министра обороны. Сначала её обвинили в расхищении государственной собственности на три миллиарда рублей. Потом, благодаря усилиям самых дорогих адвокатов, сумму снизили до 800 миллионов. Пока шло следствие, обвиняемую вместо реального СИЗО поместили под домашний арест. Но что это был за арест! В дорогой, огромной квартире в центре Москвы, с поварами и собственным парикмахером, с круглосуточной и свободным доступом к интернету. Подруга министра раздавала интервью, писала картины и стихи, которые критики-профессионалы, в отличие от купленных клакеров, оценивали как примитивные.

Наконец, состоялся суд. За украденные у России восемьсот миллионов рублей бывшей чиновнице дали пять лет колонии общего режима. Но тут же засчитали два с половиной года элитного домашнего ареста. А вскоре вообще выпустили из колонии: местный районный суд наградил расхитительницу условно-досрочным освобождением.

Ещё меньше пострадал министр, под чьим покровительством шло это воровство. Против него тоже возбудили уголовное дело. Но не за украденные подчинёнными сотни миллионов рублей, а за строительство на деньги министерства обороны большой дороги к даче зятя. Однако всё закончилось благополучно. Бывшего министра устроили на новую высокую должность, а от уголовного наказания прикрыли амнистией.

После слов Маргариты Сергеевны об этой истории Галина Иннокентьевна опять возбудилась. Она вспомнила, как кипел от возмущения народ, как люди во всеулышание связывали такое попустительство преступникам с именами высших руководителей страны.

— А вы говорите, Владислав Антонович, что народ — главная власть, — сухо сказала она. — Был бы властью, заставил бы временных наказать воров из министерства обороны, как они того заслуживают.

— Ваш народ — стадо, — усмехнулся Метельский. — Куда поведут, туда и пойдёте покорно. Это ж ваш народ придумал такой анекдот. Собираются человека вешать. Говорят: приходи завтра, сегодня виселица не готова. Он согласно кивает и спрашивает: “А верёвку с собой принести?”

— Ах, ты — воришкин сын! — взрычал Будников. — Мы, значит, идём стадом, а вы воруете поодиночке. Банк папа обанкротил, а куда денежки дел? Вкладчиков деньги! Людей разорил... стадо обстриг... и поместье в Лондоне купил.

— Как вы смеете так говорить? — закричал Метельский. — Вы — представитель быдла!

Тут уж не выдержал Шаповал:

— Вообще-то в другой обстановке за такие слова можно лицо почистить. Место не то, дорогой товарищ.

— Гусь свинье не товарищ. Заткнулись бы.

Сан Саныч секунды три ошарашенно молчал. Потом усы его свирепо задвигались, прищуренные глаза блеснули жёлтой рысью злостью, и он стал подниматься. Но Маргарита Сергеевна мгновенно выдвинула, как плагбаум, руку, останавливая соседа.

— Перестаньте! Все перестаньте! Скажите им, Владислав Антонович!

— Я скажу. Сначала Галине Иннокентьевне. Да, вы правы: преступников во власти меньшинство. Но и не мало. Недавно мне попал в руки один

документ — список арестованных с тринадцатого по шестнадцатый годы губернаторов, вице-губернаторов, глав крупных городов с населением больше ста тысяч, других чиновников. Сто пятьдесят два человека. Не знаю, насколько этот список отражает реальность, но примем его за истину. Для общей властной, будем говорить, вертикали немного. Чиновников в России — почти два миллиона четыреста тысяч. Кстати, в Советском Союзе перед его кончиной было два миллиона при населении почти в два раза больше.

Но это арестовано всего за неполные четыре года! И беда не только в их количестве: полторы сотни...

— Да какие полторы сотни, Владислав Антоныч! — воскликнул Будников. — Полторы тысячи — больше похоже! В этот список, как я понял, не вошли генералы, полковники и другие высокие чины министерства внутренних дел. Не вошли начальники из других правоохранительных органов — из той же ФСБ. Они ведь тоже власть! А сколько арестовано разных министров, начальников департаментов, особенно в губерниях. Нет, список у вас очень неполный.

— Возможно. Но даже эти полторы сотни — клеймо на лице власти, сильный удар по её репутации. Права Галина Иннокентьевна: арестовывают. Однако как людям верить в порядочность нового, назначенного из Москвы губернатора, если два предыдущих оказались взяточниками и ворами? Как доверять оставшимся четырём вице-губернаторам, когда пятый их коллега уже признал на следствии свои преступления и теперь ждёт наказания?

— Ну, наказать могут жалеючи, — опять усмехнулся журналист Николай. — Придумают смягчающие обстоятельства. Или подведут под амнистию, как бывшего министра обороны и его компанию. Подумаешь, украли у государства, то есть у народа, сотни миллионов рублей. Разве это, по-нынешнему, большое преступление? Вот шоколадки украсть — это серьёзное преступление.

— Какие ещё шоколадки? — с неудовольствием поглядела на коллегу Маргарита Сергеевна. Она ждала продолжения широковских оценок, которые мысленно уже вставляла в начатое раньше интервью.

— В Самаре парень украл в магазине пачку шоколадок. Ущерб — 1600 рублей. Суд дал два года семь месяцев колонии.

— Наш суд — самый справедливый суд в мире, — с издёвкой проговорил Чемонин. После слов Метельского о российском народе он даже отодвинулся от чиновника. Была бы возможность, вообще вышел бы из купе. Но уйти было нельзя, и железнодорожный начальник, старательно отвернувшись от соседа, продолжал:

— Работавший в правительстве России министр экономического развития — вы знаете, о ком я говорю...

— Знаем. Знаем, — раздали голоса.

— ...получил взятку в 130 миллионов рублей. Дали ему срок — восемь лет и запретили работать после отсидки в государственной власти. А вышестоящий суд это ограничение снял. Работай, дядя, когда выйдешь. Хоть снова министром!

— Таких на стройки надо, — сурово заявил Будников. — На хлеб и воду. Дороги и мосты строить. Хотя бы наш мост.

— Совмещённый. Чтоб железная дорога пришла в столицу, — добавил Чемонин и покосился на Метельского. Тот сидел мрачный, чувствуя себя чужим в этой странной для него компании. Решил не обращать больше внимания на их разговор, глупые, по его мнению, рассуждения. Однако, услышав про совмещённый мост, не выдержал:

— На что строить-то собираетесь? Денег у вас нет.

И вдруг, к своему удивлению, в собственном голосе уловил какое-то сожаление. Ему даже стало немного обидно за этих людей. Так хотят, так надеются, и ничего у них не получится.

— Денег у нас, как у дурака махорки, — засмеялся Будников. — Дед мой так говорил. Тогда махорка была ценным товаром, а некоторые, даже много имея, не могли это использовать. Денег у нас — девать некуда. Если б не воровали, можно мост построить до Луны. Смету нашего совмещённого

моста несколько раз увеличивали. Сейчас — окончательная стоимость — около шестидесяти миллиардов рублей.

Маргарита Сергеевна обеспокоенно покачала головой:

— Большие деньги.

— Большие, да, — согласился Будников. — Но посчитайте, сколько воруют. Я назову вам только несколько фактов — о них известно всей стране. У одного полковника полиции при обысках нашли почти девять миллиардов рублей. Вся квартира была забита деньгами, которых оказалось полторы тонны.

— А где ж он жил? — удивился Шаповал.

— Следователи насчитали 27 квартир. Нашли много дорогих вещей.

— Ну, дорогие вещи они все любят, — сказал Николай. — Часы за двести миллионов рублей, кресты, усыпанные бриллиантами. У арестованного сахалинского губернатора обнаружили восемьсот ювелирных изделий с драгоценностями. В том числе ручку — вроде обыкновенную перьевую, для писания. Но цена ей — 36 миллионов рублей.

— Что ж это за ручка такая? — поразилась Галина Иннокентьевна. — Из чего сделана?

— Из белого золота и драгоценных камней. Бриллиантами, сапфирами и рубинами — по цветам нашего флага — на ней выложена карта России. Чтоб была под рукой.

— Вот так эти негодяи любят Россию, — сердито бросил Шаповал. — Под рукой... легче грабить.

— Ну, конечно, как водится, и деньги в разных валютах. В пересчёте на рубли — миллиард, — закончил журналист.

— Бедный воруяга, — скривился Будников. — Не только по сравнению с полковником полиции, но и с полковниками, генералами из ФСБ. У одного нашли почти семь миллиардов, у другого — шесть. Воруют, кто на чём сидит. Поставили человека отвечать за обустройство российской границы — границей он и покормился: исчезли деньги на две новых заставы. А начальник тюремной системы обогатился за счёт электронных браслетов. В два раза завысил цену каждого, а их, вы ж понимаете, сколько! Мало того: многие оказались негодными. Человек мог идти хоть до Бразилии, пока случайно не поймают.

— Вы всё про служивых, Сергей Александрович, — заметил журналист Николай. — Гражданские воруют ещё больше. Министр финансов Московской области украл 14 миллиардов рублей и непонятно как сбежал за границу.

— Свои люди во власти помогли, — проворчал Будников.

— Но недавно привезли в браслетах из Франции.

— Надёжные хоть были браслеты? — со смешком спросила Маргарита Сергеевна.

— Эти оказались надёжными. Суд дал вору 14 лет. По году за каждый миллиард.

— Расстрелять мало, — припечатал Будников. — У родни всё отобрать. А то на жену, на тещу, которая расписываться не умеет, на ребёнка трёхлетнего запишут — и он — воруяга этот — чистый. В Китае таких — сразу к стенке.

— У нас этого делать нельзя, — отверг Широков. — Суды-то всякие бывают. Кому надо, будем говорить, на полную катушку колонии строгого режима — дадут условный срок, а за мешок картошки или пачку шоколадок, про которую Николай рассказал, могут отправить в тюрьму.

— И всё же это неправильно, — заявил Будников. — Полковник полиции — тот миллиардер — руководил службой по борьбе с коррупцией. А сам оказался махровым коррупционером. Кто-то его рекомендовал. Кто-то ставил. С них как-нибудь спросили? Их наказали? Ведь они предателя двигали! Врага народа! А уж про полковников из ФСБ — слов нету! Это чистейшие предатели и враги. Да и вообще: вор — это враг. А вор во власти — враг вдвойне.

— Почему вдвойне? — с улыбкой спросил Метельский. Его уже понемногу начинали интересовать оценки событий и людей соседями по купе.

Он не все их разделял, против некоторых оценок внутренне протестовал — ну, как можно осуждать милейшего Андрея Захаровича Крусса, который много раз рассказывал, что убежал из России только по политическим обстоятельствам и с сыном которого Виталий Метельский учился в одном классе частной школы? Правда, однажды отец в присутствии Виталия со смешком сказал Круссу: “Платил бы налоги — и никакой политики”. На что Андрей Захарович со своей милейшей улыбкой заметил: “Кто-то не любит той стране налоги платить, а кто-то — банки там сохранять”. Этот осуждающий вор Сергей Александрович, грубый, конечно, человек, даже можно сказать, хам — так про отца заявил! — но как можно деликатно говорить, когда такое воровство здесь!

— Каждый, кто ворует, чей-то враг, — начал объяснять Будников. — А вор во власти — враг вдвойне потому, что он оскорбляет нас, народ, который ему эту власть доверил.

— А сколько таких врагов обнаружилось на строительстве космодрома “Восточный”? — гневно проговорила Маргарита Сергеевна. — Я была там, знакомилась со многими материалами. Президент страны публично признал, что воруют сотнями миллионов, а его пресс-секретарь назвал вроде как общую сумму: 11 миллиардов рублей.

— Вот сложите, господин англичанин, — начал было Будников, но Метельский остановил его:

— Я — российский государственный служащий...

— Тем более. Сложите только эти украденные у страны деньги, и вы получите средства на две трети нашего совмещённого моста. Я уж не говорю, что это маленькая, просто ничтожная часть того, что расхищается под всякими предлогами, вывозится из России в офшоры, отдаётся на немислимые оплаты людям, близким к власти, и вы поймёте, сколько у нас денег.

Метельский в задумчивости согласно покивал. Что тут можно возразить? Люди имели страну, где суровой земли было в два раза больше, чем благодатной. Но они хотели и ту, суровую часть сделать если не цветущей, то процветающей. И можно ли обижаться на их злость к ворами, которых они справедливо считают своими врагами?

Он посмотрел на Широкова, который в это время повернулся к окну. Из купе была видна только часть его крупного лица, но Метельский разглядел на нём улыбку.

— Владислав Антонович, — позвал молодой чиновник. Широков обернулся.

— Знаете, я, наверно, доложу, что ваша дорога нужная. И ещё скажу: её надо продолжать.

— Вот и хорошо, — не переставая улыбаться, сказал Широков. Все в купе услышали это, а Шаповал даже успел повторить широковское “хорошо”. Однако в этот момент раздался звонкий, взволнованный голос проводника:

— Граждане! Товарищи! Пассажиры! Поезд прибывает на конечную станцию. Мне передали: нас там ждут!

Все засуетились, засобирались, Шаповал дёрнулся было в свой вагон, но, вспомнив, что все его вещи — это сумочка с документами, а она при нём, остался вместе со всеми.

14

Тепловоз подтянул первый вагон прямо к навесу, устроенному между перроном и входом в вокзал. Под навесом вдоль ограждений, прижимаясь друг к другу, тесно стояли приглашённые. Перед красивыми дверями нового, сверкающего вокзала в металлической чаше горел огонь. Вокруг с бубнами, в украшенных шапках и расшитых узорами длинных, ниже колен халатах бегали, пританцовывали, громко причитали трое мужчин. Они били колотушками в бубны, энергично взмахивали венчиками из белых и чёрных конских волос и просили богов благословить великое начинание. Из первого вагона стали выходить взволнованные пассажиры. По протоколу требовалось

сказать короткие приветствия. Широков и Чемонин пошли к стоящему у микрофона главе Северной республики. Метельский тоже хотел двинуться за ними, но Шаповал, которого потрясло последнее заявление чиновника о железной дороге, взял его за локоть и повёл к махавшему им рукой Башару. Два друга втиснули Метельского между собой, потолкались, чтобы тому было свободней стоять. Сан Саньч представил чиновника Башару, и все трое с интересом стали наблюдать за окончанием древнего обряда. Двое местных не раз смотрели на подобное, но Метельский, который впервые в жизни видел такую картину, то и дело спрашивал Башара, почему у одного мужчины на груди и на спине сверкают зеркала, зачем другой взмахивает плёткой и отчего у третьего колокольчиков на шапке нашито больше, чем у остальных. Короткие приветствия были сказаны. Под украшенным российскими и республиканскими флагами навесом из огромных динамиков загрохотала музыка, и все пошли через вокзал на прилегающую к нему площадь. Там была построена большая эстрадная раковина, перед ней врыто множество скамеек. Но даже их не хватило для всего народа — людей собралось несколько тысяч. Метельского пригласили в эстрадную раковину, где стояли глава республики, Широков, Чемонин, Будников, Галина Иннокентьевна и не известные чиновнику люди. Журналист Николай и Маргарита Сергеевна — она опять надела от солнца огромную белую шляпу, благодаря которой её было хорошо видно среди людской массы, — ушли, по её словам, в народ.

Снова начались выступления. Чемонин подошёл к Метельскому, пожал руку. После его слов о дороге отношение к чиновнику изменилось. Галина Иннокентьевна, проходя мимо, кивнула с доброй улыбкой. Будников, стоявший поодаль, сцепил руки и, подняв их над головой, по-спортивному приветствовал Метельского.

— Вы не хотите выступить, Виталий Владимирович? — спросил Чемонин.

Метельский был ошеломлён. Он бывал на спортивных соревнованиях в Лондоне, видел там много народу, пожалуй, гораздо больше, чем здесь, но тамошняя страсть не шла ни в какое сравнение с той, что кипела в этом людском разливе. Что он может сказать этим людям? Он, который ещё недавно не верил их радости, считал ненужным этот поезд к вечной мерзлоте... Теперь он был почти убеждён, что нужна эта дорога, и не только она — другие тоже. Но Виталий Владимирович никогда не выступал перед таким количеством народа и из-за этого чувствовал растерянность.

Широков, который услышал предложение Чемонина и увидел состояние Метельского, подошёл к ним.

— Его слова будут важнее не здесь, — сказал Чемонину. — Они нужны там...

Он куда-то неопределённо махнул рукой.

— И Виталий Владимирович, думаю, скажет их.

Широков поглядел по сторонам.

— А где Сан Саньч? Шаповал где? Он мог бы выступить.

Но Шаповалу сейчас было не до этого. Чтобы укрыться от оглушающего шума праздника, он забрался с Башаром в его машину и набирал на мобильнике номер двоюродного брата. Вениамин долго не отвечал. Наконец, Сан Саньч услышал его голос.

— Где бродишь? — крикнул он.

— А-а-а, Саня! Привет! Арбузы отпускал, а телефон в шалаше.

По давней привычке шалашом он называл небольшой вагончик на бахче.

— Собирайся, Веня, в дорогу.

— А? Не слышно! Что там у тебя гремит?

— Дождался ты, наконец! Это празднуют здесь! Пришёл первый пассажирский! Так что бери билет на поезд к вечной мерзлоте.